

КОРОЛЬ ДЖОНЪ¹.

Среди «исторических хроникъ» Шекспира «Жизнь и смерть короля Джона» занимает особое, довольно изолированное положение. Это единственная хроника Шекспира, основанная не непосредственно на летописи Голиншеда, а черпающая свое содержание изъ предшествовавшей ей, довольно слабой, но сходной по сюжету и фабулѣ исторической пьесы неизвестнаго автора, предназначавшейся для площадной, балаганной публики. (Авторъ скрылся подъ инициалами W. Sh.). Вотъ полное заглавіе этой пьесы: *The first and second part of the troublesome Raigne of John King of England. With the Discovery of King Richard Cordelions base sonne (vulgarly named the Bastard Fawconbridge). Also the Death of King John at Swinshead Abbey. As it was (sundry times) publicly acted by Queenes Majesties Players in the honourably City of London.* Она была напечатана въ 1591 г. и ставилась на сценѣ въ пятидесятихъ годахъ XVI ст. Инициалы автора (W. Sh.) въ изданіи 1611 г. дали поводъ къ предположенію, что мы имѣемъ дѣло съ юношескимъ произведеніемъ Шекспира; но эта гипотеза отвергнута критикой съ полнымъ основаніемъ: ни языкъ, ни стиль, ни композиція пьесы анонима не имѣютъ ничего общаго съ Шекспиромъ. Драма послѣдняго «Король Джонъ» появилась въ печати въ такъ называемомъ изданіи *in folio* 1623 г., но упоминаніе о ней мы находимъ гораздо раньше, именно въ книгѣ Мереса «*Palladis Tamia*», вышедшей въ 1598 г. Перечисляя пьесы Шекспира, авторъ упоминаетъ и о «Королѣ Джонѣ». Кромѣ того стиль трагедіи даетъ полное основаніе отнести ее ко второму періоду дѣятельности Шекспира, точнѣе къ 1596 — 1598 г.

Если мы сравнимъ содержаніе трагедіи Шекспира съ пьесой анонима, то увидимъ, что великій драматургъ находился въ большой зависимости отъ своего предшественника, который внесъ въ содержаніе пьесы такія черты, которыя, не будучи историческими, въ воспроизведеніи Шекспира

3

придали его трагедіи своеобразный характеръ. Сопоставляя обѣ пьесы, мы убѣждаемся, что фабула ихъ сходна — почти до совпаденія. Не только акты, но и явленія въ обѣихъ пьесахъ вполнѣ аналогичны.

Прежде всего фигура бастарда (въ переводѣ Дружинина «Филиппъ Незаконнорожденный»), столь яркая и характерная, играющая въ «Королѣ Джонѣ» выдающуюся роль, въ пьесѣ анонима отмѣчена тѣми же чертами, что и у Шекспира. Неисторическое участіе въ перипетіяхъ борьбы

эрцгерцога австрійскаго можетъ быть указано въ обѣихъ пьесахъ. Далѣе, существенный для трагедіи Шекспира эпизодъ — споръ изъ-за наслѣдства между двумя братьями Фальконбриджами — находится и у анонима и у Шекспира; равнымъ образомъ и здѣсь и тамъ помѣщены характерные эпизоды: признаніе матери Фальконбриджей, рассказъ объ осадѣ Анжера, споръ съ папскимъ легатомъ, ослѣпленіе Артура. Шекспиръ смягчилъ нѣкоторыя частности, руководствуясь художественнымъ чутьемъ и требованіями нравственнаго чувства; признаніе, напр., лэди Фальконбриджъ въ трагедіи Шекспира происходитъ не на глазахъ у всего двора, какъ у анонима, а съ глазу на глазъ съ сыномъ Филиппомъ; убійство эрцгерцога австрійскаго происходитъ не на сценѣ, а за сценой и пр. Но эти измѣненія и подобныя имъ не могли повліять на фабулу произведенія, которая осталась такою же, какъ и у анонима.

Кромѣ фабулы, сходство слабой пьесы неизвѣстнаго автора съ произведеніемъ Шекспира можетъ быть указано и въ teknikѣ драматическаго дѣйствія. Равнымъ образомъ вліяніе этого источника сказалось на выборѣ Шекспиромъ темы и историческаго момента. Трудно представить себѣ болѣе неподходящую для драмы личность, какъ Іоаннъ Безземельный. Въ его характерѣ не было ни тѣни героизма, хотя бы показного. Король, достигшій престола двойнымъ преступленіемъ, по отношенію къ брату и племяннику, въ сущности незаконный, Іоаннъ запятналъ память о себѣ цѣлымъ рядомъ вѣроломствъ и измѣнъ, а дарованіе англійскому народу Великой Хартіи было, какъ извѣстно, вынужденное, и король неоднократно пытался подорвать и ослабить значеніе великаго государственнаго акта. Столкновенія Іоанна съ римской куріей сопровождались крайней заносчивостью и высокомеріемъ короля, которыя, послѣ неблагопріятнаго для него оборота дѣлъ, смѣнялись униженіемъ и лестью папѣ — до забвенія собственнаго достоинства. Преждевременная смерть Артура ставилась въ вину Іоанну, и безпристрастный историческій анализъ дѣйствій короля не можетъ снять съ его памяти этого суроваго обвиненія.

Голиншедъ — хронистъ, вдохновлявшій Шекспира во многихъ его произведеніяхъ, рассказываетъ о царствованіи короля Іоанна приблизительно слѣдующее:

Съ 1199 г. въ Англіи царствуетъ король Іоаннъ, хотя вѣнецъ долженъ былъ достаться не ему, а Артуру Плантагенету, сыну Готфрида, старшаго брата Іоанна. Артуръ былъ малолѣтній; дядя присвоилъ себѣ верховную власть, побуждаемый къ тому королевой Элеонорой, своей матерью, которая ненавидѣла красавицу Констанцію, мать Артура и вдову Готфрида. Констанціи должно было принадлежать регенство во время малолѣтства сына. Не желая допустить Констанцію къ трону, Элеонора убѣдила своего сына Іоанна занять англійскій престолъ. За Артуромъ осталось лишь бретонское княжество. Мать его, отстаивая права сына, обратилась за помощію къ французскому королю Филиппу Августу, который согласился защищать права Артура оружіемъ, если тотъ согласится признать вассальную зависимость англійскихъ владѣній

во Франціи отъ французскаго короля. Послѣ восьмимѣсячной войны французскій король завоевалъ провинціи, принадлежавшія Артуру во Франціи, но, по договору съ Іоанномъ въ 1200 г., уступилъ ихъ англійскому королю съ тѣмъ, что послѣ смерти послѣдняго, онѣ сдѣлаются достояніемъ Франціи. Договоръ былъ скрѣпленъ брачнымъ союзомъ дофина съ племянницей англійскаго короля Бланкой.

Смерть Констанціи, матери Артура, закрѣпила, казалось окончательно за Іоанномъ престолъ. Элеонора торжествовала. Однако между Филиппомъ Августомъ и Іоанномъ вновь вспыхнула война изъ-за Изабеллы Ангулемской. Французскій король вновь ополчился въ защиту правъ Артура, которому уже было 15 лѣтъ, и онъ могъ принять участіе въ войнѣ. Артуръ въ сраженіи при Мирбо попалъ въ плѣнъ.

Побуждаемый къ отреченію отъ престола, Артуръ наотрѣзъ отказался. Его заключили въ отдаленный замокъ Фаней и отдали подъ охрану Губерта дю-Буръ, которому былъ данъ приказъ ослѣпить принца. Тронутый мольбами юноши, Губертъ пощадилъ Артура и обещалъ выхлопотать ему

4

прощеніе у дяди. Между тѣмъ по всей странѣ распространились слухи о кончинѣ принца, виновникомъ которой, по общему мнѣнію, былъ король. Король, узнавъ, что Губертъ не исполнилъ его повелѣнія, поспѣшилъ успокоить общественное мнѣніе. Однако вскорѣ Артуръ погибъ, упавъ на скалы или въ рѣку во время бѣгства. Нѣкоторые увѣряли, что онъ былъ тайно умерщвленъ по приказанію короля.

Итакъ, Іоаннъ снова торжествовалъ. Пять лѣтъ спустя, папа Иннокентій III отлучаетъ короля отъ церкви за изгнаніе архіепископа Лантона и передаетъ его корону Филиппу Августу. Іоаннъ вооружается и со всей силой отчаянія отстаиваетъ свои права. Въ разгаръ войны пустынникъ Петръ пророчествуетъ, по знаменіямъ небеснымъ, что Іоаннъ добровольно откажется отъ престола. Встревоженный король проситъ прощенія у папскаго легата, передаетъ ему свой вѣнецъ и вновь получаетъ его отъ Иннокентія, признавъ Англію ленницей куріи. Филиппъ Августъ, не взирая на запрещеніе папы, продолжаетъ войну и наноситъ Іоанну поражение при Бовинѣ. Англійскіе лорды покидаютъ короля и предлагаютъ французскому дофину корону. Спасаясь отъ преслѣдованія вражескихъ войскъ, Іоаннъ скрывается въ аббатствѣ Свинстидъ, гдѣ умираетъ отъ отравы, предложенной ему монахами въ кубкѣ эля.

Изъ изложенной фабулы видно, что какъ составитель анонимной трагедіи, такъ и Шекспиръ, поняли смыслъ событій царствованія Іоанна согласно изложенію ихъ у Голиншеда. Элементарность этого пониманія очевидна. Но значеніе пьесы Шекспира не въ ея планѣ, фабулѣ и ходѣ драматическаго дѣйствія, а въ художественной и психологической обработкѣ характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Центрального героя, какъ и единства драматическаго дѣйствія, въ пьесѣ нѣтъ. Можно сказать, что всѣ лица находятся на одномъ планѣ — перспектива

нигдѣ не соблюдается. Мастерство художника сказалось въ превосходной отдѣлкѣ персонажей.

Король Іоаннъ изображенъ немногими, но чрезвычайно рельефными чертами. Это — слабохарактерный, заносчивый и малодушный деспотъ. Надменный и вызывающій при удачѣ, онъ способенъ унижаться до крайности лишь бы удержать за собою вѣчно колеблющійся вѣнецъ. Сознаніе царскаго достоинства почти чуждо Іоанну: онъ весьма легко примиряется со своимъ положеніемъ.

Сегодня Вознесенья день? А мнѣ
Сказалъ пророкъ, что въ полдень Вознесенья
Короны я лишусь. И правъ онъ былъ.
Я думалъ, что лишусь ее насильемъ,
Но, слава небу, самъ я сдалъ корону.

Здѣсь Іоаннъ обманываетъ самого себя, стараясь скрыть, что его вынудили къ отказу отъ престола. Малодушіе — отличительная черта Іоанна. Двуличный всюду, онъ желалъ бы лишь пожинать плоды, сваливая отвѣтственность на другихъ. Лучше всего раскрывается характеръ короля въ сценѣ съ Губертомъ (III, 3).

Нѣтъ, не могу, — хоть и люблю тебя,
Хоть и тебѣ я, кажется любезенъ.

Губертъ.
Любезенъ такъ, что если ты прикажешь
Идти на смерть для выгоды твоей,
Я все исполню, — небо мой свидѣтель.

Король Джонъ.
Исполнишь все? Я это знаю, Губертъ.
Мой Губертъ, добрый Губертъ, кинь свой взглядъ
На этого ребенка; вѣрный другъ мой,
Скажу тебѣ, ребенокъ тотъ — змѣя:
Гдѣ бъ, на пути, я ногу ни поставилъ,
Вездѣ онъ змѣемъ ляжетъ предо мной.
Ты понялъ ли меня? Вѣдь ты къ нему
Приставленъ стражемъ?

Губертъ.
И стеречь я стану
Такъ, что бѣды онъ вамъ не принесетъ.

Король Джонъ.
Смерть!

Губертъ.
Государь?
Король Джонъ.

Въ могилу.

Губертъ.

Онъ умереть.²

Когда же слухи о смерти Артура вызываютъ возстаніе, король старается всю вину свалить на вѣрнаго и слѣпago слугу:

На грѣхъ и зло толпятся при царяхъ
Рабы, которымъ высшей власти прихоть
Есть поводъ на кровавыя дѣла,

5

Рабы, законъ толкующіе смѣло,
По мановенью царственной руки,
Готовые всегда дать ходъ опасный
Тому, что прихоть царская велѣла.

Изъ другихъ мужскихъ персонажей особенное вниманіе привлекаетъ бастардъ Филиппъ Фальконбриджъ. Сходство между нимъ и Готспоромъ 1-ой части драмы «Генрихъ IV» едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ натурами, въ которыхъ жизненная сила льется черезъ край и увлекаетъ стремительнымъ потокомъ всякаго, кто вздумаетъ преградить его теченіе. Стремительный и смѣлый, онъ, подобно Готспору, преисполненъ жажды подвиговъ и съ легкимъ сердцемъ отказывается отъ громаднаго наслѣдства, которое онъ по праву могъ бы удержать за собой. Связавъ свою судьбу съ Іоанномъ, онъ смѣло слѣдуетъ за его знаменемъ, не щадя силъ и крови, и чувства колебанія, а тѣмъ болѣе измѣны королю, никогда не находятъ мѣста въ его сердцѣ. Онъ не честолюбивъ, не стремится ни къ власти, ни къ пріобрѣтенію; его увлекаетъ лишь процессъ войны, составляющей наиболѣе пригодную для него стихію. Его языкъ столь же богатъ образами, какъ и Готспора. Сравните, напр., его обращеніе къ французамъ въ V д., сц. 2.

Ужель рука, что силою своей
Могла тузить васъ передъ дверью вашей,
Рука, передъ которой вы бѣжали
И прятались, какъ ведра по колодцамъ,
И залѣзали подъ навозъ въ конюшняхъ
Со свиньями, ища себѣ спасенья
Во шкапахъ, въ ларяхъ, въ темницахъ, въ погребяхъ,
Дрожа и повергаясь въ страшный трепетъ,
Заслыша крикъ родного пѣтуха
И думая, что то кричитъ британецъ, —
Ужель слаба та грозная рука,
Что била васъ подъ самой кровлей вашей?

Подобное же обиліе картинъ является у Готспора во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходится держать болѣе или менѣе длинную рѣчь.

Но ни въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ не сказалось столько художественнаго мастерства и тонкаго вкуса, какъ въ образѣ Артура. Критика

уже давно обратила вниманіе на замѣчательное искусство изображенія Шекспиромъ дѣтей. Въ данной драматической хроникѣ это искусство сказалось съ особеннымъ блескомъ. Вопреки исторіи, которая знаетъ Артура уже пятнадцатилѣтнимъ юношей, Шекспиръ уменьшаетъ его возрастъ, и тѣмъ трогательнѣе вліяетъ на зрителя героизмъ умнаго и сердечнаго мальчика. Всякій педагогъ знаетъ, что въ ребенкѣ слѣдуетъ видѣть не нѣчто безформенное, а будущаго человѣка, что воспитаніе можетъ многое видоизмѣнить, но лишь на основаніи имѣющихся у воспитанника данныхъ. Въ Артурѣ мы видимъ душу благородную и прекрасную, съ преждевременной зрѣлостью, которая украсила бы, безъ сомнѣнія, въ будущемъ англійскій престолъ.

Въ 2-мъ д. (сц. I), гдѣ Артура стараются привлечь на свою сторону поочередно бабка и мать, бѣдный мальчикъ восклицаетъ:

Мать, не кричи!
Я умереть желалъ бы, въ землю лечь;
Не стою ссоръ я и смятеній этихъ.

И это, дѣйствительно, единственное разрѣшеніе вопроса.

Въ извѣстной сценѣ съ Губертомъ (IV д., сц. I), спасая свои глаза отъ ослѣпленія, Артуръ напрягаетъ всѣ силы души и говоритъ такъ убѣдительно и краснорѣчиво, что смягчаетъ сердце суроваго стража. Но все-же рѣчь его чужда дѣланности и риторики, и ни на минуту читатель не забываетъ, что передъ нимъ нѣжный царственный отрокъ:

О, Боже! Еслибъ у тебя въ глазу
Теперь была пылинка или мошка,
Зерно, песчинка или волосокъ
Мученьемъ для безцѣннѣйшаго чувства!
На мелочахъ страданье бѣ понялъ ты
И передъ дѣломъ гнуснымъ ужаснулся!

Неудивительно, что его прочувствованныя убѣжденія трогаютъ Губерта.

Изъ женскихъ фигуръ пьесы, прежде всего вниманіе читателя останавливаетъ глубокотрагическій образъ Констанціи. Среди галлерей энергичныхъ и страстныхъ женщинъ, созданныхъ Шекспиромъ, она занимаетъ видное мѣсто.

Въ этой глубокой натурѣ любовь къ сыну поглотила всѣ другія чувства. Даже честолюбіе Констанціи лишь кажущееся: она жаждетъ престола для сына, но, лишившись Артура, она лишается своего жизненнаго нерва и гибнетъ. Весь ея умъ, находчивость, изобрѣтательность — все это имѣетъ своимъ источникомъ Артура. Съ потерей его Констанцію окружаетъ нѣмая

6

и мрачная пустыня. Она ждетъ смерти, какъ желаннаго гостя. Страстно делѣтъ она свое горе:

Прекраснѣ ребенка не бывало
Отъ Каина, что первымъ былъ младенцемъ,

До тѣхъ дѣтей, что родились вчера.
И что жъ? червь скорби сложетъ мой цвѣтокъ,
Прогонитъ съ щекъ плѣнительную прелесть
И будетъ сынъ мой мертвеца блѣднѣе,
И худъ и слабъ, какъ послѣ лихорадки,
И такъ умретъ онъ; и когда воскреснетъ,
Когда сойдемся мы на небесахъ —
Его я не узнаю. Вѣчно, вѣчно
Мнѣ милаго ребенка не видать!

Съ такою-же силою сказалось ея чувство въ дальнѣйшей части монолога:

Да, мѣсто сына скорбь взяла:
Дитятею лежитъ въ его постелѣ,
Со мною ходить, говорить какъ онъ,
Въ лицо глядитъ мнѣ свѣтлымъ дѣтскимъ взглядомъ
На мысль приводитъ милыя движенья,
И крадется въ его пустое платье,
И платье то глядитъ моимъ ребенкомъ!
Вотъ почему я такъ отдалась скорби.

Глубина и страстность характера Констанціи ставятъ ее почти на уровнѣ лэди Макбетъ. Она не отголосокъ античной немезиды, какъ нѣкоторые женскіе характеры этой категоріи (напр., въ Ричардѣ III), а живой, конкретный образъ страдающей и борющейся за сына матери; мягкой женственности чуждъ этотъ образъ — да эта черта была бы въ немъ неумѣстной.

Какъ сценическое произведеніе, «Король Джонъ» въ настоящее время немыслимъ для постановки. Передѣлавъ старую пьесу, Шекспиръ не измѣнилъ ни плана ея, ни фабулы, а лишь художественно обработалъ готовый матеріалъ. Изъ балаганнаго фарса, вродѣ «Битвы русскихъ съ кабардинцами» и многихъ пьесъ наполеоновскаго цикла, было создано рукой великаго художника произведеніе, полное глубины и правды, широко захватывающее многія явленія человѣческой жизни. Интересный и поучительный для чтенія, «Король Джонъ» не сцениченъ, пьеса лишена послѣдовательности драматическаго дѣйствія, рассчитана на патриотическіе эффекты и представляетъ собой лишь рядъ драматическихъ картинъ.

Л. Шепелевичъ.

Дѣйствующія лица:

Король Джонъ.

Принцъ Генрихъ, сынъ его, впослѣдствіи король Генрихъ III.

Артуръ, герцогъ Бретонскій, сынъ Готфрида, покойнаго герцога
Бретонскаго, старшаго брата короля Джона.

Вилліамъ Маршаллъ, графъ Пэмброкъ.
Джеффри Фицпитеръ, графъ Эссексъ.
Вилліамъ Лонгсвордъ, графъ Салисбюри.
Робертъ Биготъ, графъ Норфолькъ.
Губертъ Де-Буртъ, камергеръ короля.
Робертъ Фальконбриджъ, сынъ сэра Роберта Фальконбриджа.
Филиппъ Фальконбриджъ, его побочный братъ, сынъ короля
Ричарда I, прозванный Незаконнорожденнымъ.
Джемсъ Герней, слуга лэди Фальконбриджъ.
Питеръ изъ Помфрета, пророкъ.
Филиппъ, король французскій.
Людовикъ, дофинъ, впослѣдствіи Людовикъ VIII.
Эрцгерцогъ австрійскій.
Кардиналъ Пандольфъ, папскій легатъ.
Меленъ, французскій дворянинъ.
Шатильонъ, французскій посланникъ при королѣ Джонѣ.
Королева Элеонора, вдова Генриха II, мать короля Джона.
Констанція, мать Артура.
Бланка, дочь Альфонса короля Кастильскаго, племянница короля Джона.
Лэди Фальконбриджъ, мать Филиппа и Роберта Фальконбриджей.
Лорды и лэди, граждане Анжера, шерифъ, герольды, офицеры, солдаты,
вѣстники и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи, частью во Франціи.

8

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Нортгэмптонъ. Тронная зала во дворцѣ.

Входятъ король Джонъ, королева Элеонора, Пэмброкъ,
Эссексъ, Салисбюри и другіе съ Шатильономъ.

Король Джонъ.

Ну, Шатильонъ, чего отъ насъ желаетъ
Король французскій?

Шатильонъ.

Черезъ мою особу
Онъ шлетъ привѣтъ и держитъ рѣчь къ тебѣ,
Британіи монарху временному.

Королева Элеонора.

Что за начало? Временной монархъ?

Король Джонъ.
Оставь его. Дослушаемъ посланье.

Шатильонъ.
Филиппъ, король французскій, отъ лица
Артура, отрасли Плантагенетовъ,
Рожденнаго твоимъ покойнымъ братомъ
Готфридомъ, предъявляетъ здѣсь права
На сей прекрасный островъ съ областями,
На Пуатье, Анжу, Турень и Менъ,
Съ Ирландіею вмѣстѣ — и тебѣ
Онъ предлагаетъ, царскій мечъ сложивъ,
Что незаконно править здѣшнимъ краемъ,
Вручить тотъ мечъ племяннику Артуру,
Законному монарху твоему.

Король Джонъ.
А если мы отвергнемъ предложенье?

Шатильонъ.
Тогда пойдетъ кровавая война
Въ защиту правъ, предательски отнятыхъ.

Король Джонъ.
Вотъ мой отвѣтъ: пусть кровь идетъ за кровь,
Война за брань, насилие за насилие.

Шатильонъ.
Послѣдней гранью моего посольства —
Вотъ вызовъ мой тебѣ отъ короля.

Король Джонъ.
Мой передай ему — и прочь отсюда!
Какъ молнія явился королю,
Но прежде чѣмъ снесешь ты порученье,
Моихъ орудій громы загремятъ.
Иди же. Будь трубою гнѣвной нашей,

Пророкомъ бѣдъ для родины твоей,
Съ почетомъ проводить посла. Графъ Пэмброкъ,
Исполни это. Шатильонъ, прощай.

(Шатильонъ и Пэмброкъ уходятъ).

Королева Элеонора.
Что, сынъ мой? или я не говорила,
Что гордая Констанція француза
И цѣлый свѣтъ войной на насъ подыметъ
Въ защиту правъ Артура своего?
Любовію и кроткимъ убѣжденіемъ

Мы безъ труда могли бы отвратить
То, что теперь рѣшится тяжелой бранью
Двухъ королевствъ въ кровавой, лютой сѣчѣ.

Король Джонъ.
За насъ права и сила власти нашей.

Королева Элеонора.
Скорѣе сила власти, чѣмъ права;
Безъ этой силы — слабы мы с тобою.
Вотъ что тебѣ я на-ухо скажу
И что Господь да ты, да я лишь знаемъ.

*Входитъ Нортгамптонширскій шерифъ
и шепчетъ Эссексу на-ухо.*

Эссексъ.
Мой государь, со споромъ небывалымъ,
Неслыханнымъ, издалика пришли
Къ тебѣ на судъ просители. Принять ихъ?

Король Джонъ.
Пускай войдутъ. (*Шерифъ уходитъ*).
Пріорства наши и монастыри
Уплатятъ за военныя издержки.

*Входятъ шерифъ съ Робертомъ Фальконбриджемъ
и Филиппомъ, его побочнымъ братомъ.*

Король Джонъ.
Вы что за люди?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Я слуга вашъ вѣрный,
Нортгамптонширскій джентельменъ по роду
И старшій сынъ, какъ полагаю я,
Роберта Фальконбриджа, что въ сраженьи
Былъ Львинымъ-Сердцемъ въ званье дворянина
Державною рукою возведенъ.

Король Джонъ (*Роберту*).
Ты кто такой?

Робертъ.
Того же Фальконбриджа
Сынъ и наслѣдникъ.

Король Джонъ (*указывая на Филиппа*).
Онъ твой старшій братъ,
А ты наслѣдникъ? Стало-быть, вы оба
Отъ разныхъ матерей произошли?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Нѣтъ, отъ одной, великій государь,
И, кажется, отъ одного отца,
Хоть объ отцѣ сказать навѣрно могутъ
Одинъ Господь и также мать моя.
Сомнѣнье жъ мнѣ, какъ дѣтямъ всѣхъ мужчинъ,
Дозволено.

Королева Элеонора.
Стыдись, невѣжда грубый!
Ты мать свою позоришь, и пятнаешь
Ты честь ея сомнѣніемъ твоимъ!

Филиппъ Незаконнорожденный.
Я, королева? Въ томъ мнѣ выгоды нѣтъ!
Не я, а братъ мой хочетъ сомнѣваться
И доказать, что я побочный сынъ.
Пусть Богъ хранить честь матери моей
Съ моей землей!

Король Джонъ.
Правдивый, добрый малый!
Зачѣмъ же онъ — по роду младшій братъ —
Права представилъ на твое наслѣдство?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Зачѣмъ, быть можетъ, чтобъ отнять его.
Меня ругаетъ онъ побочнымъ сыномъ.
Про то, законно ль я рожденъ, иль нѣтъ,
Я матери судить предоставляю.
Но кажется мнѣ, государь, что я
(Хвала тому, кто надо мной трудился!)
Сработанъ былъ ничѣмъ не хуже брата.
Сравни обоихъ насъ, и самъ суди!
Когда старикъ сэръ Робертъ насъ родилъ
И сдѣлалъ брата на себя похожимъ,
То на колѣняхъ здѣсь хвалю я Бога
За то, что я родился не въ отца!

Король Джонъ.
Вотъ чудака намъ Богъ послалъ сегодня!

Королева Элеонора.
Съ лица онъ будто сходенъ съ Львинымъ-Сердцемъ.
И въ голосъ большое сходство есть.
Гляди — въ сложеніи этомъ богатырскомъ
Сказался тоже мой покойный сынъ.

Король Джонъ.

И самъ я разсмотрѣлъ его не худо —
Онъ Ричардъ вылитый. Скажи же мнѣ,
Зачѣмъ ты хочешь взять у брата землю?

10

Филиппъ Незаконнорожденный.
Затѣмъ, что не съ его несчастной рожей
Владѣть моею родовой землею.
Кто по лицу похожъ на грошъ истертый,
Тому моихъ доходовъ много будетъ.

Робертъ.
Мой государь, когда отецъ былъ живъ,
Служилъ онъ брату вашему усердно.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Моей земли ты этимъ не добьешься.
Какъ мать служила, лучше расскажи!

Робертъ.
Однажды къ императору посломъ
Въ Германію отецъ мой былъ отправленъ
По важнымъ государственнымъ дѣламъ.
Во время той отлучки, въ домъ нашемъ
Король остановился — стыдно мнѣ
Разсказывать о томъ, съ какою цѣлью,
Но правда правдой будетъ. Мой отецъ
Самъ говорилъ, что сушей онъ и моремъ
Былъ отдѣленъ отъ матери моей,
Когда былъ зачатъ мой противникъ жадный.
Предъ смертію, отецъ мой всѣ владѣнья
Мнѣ завѣщалъ и тутъ же объявилъ,
Что этотъ сынъ или не имъ рожденъ,
Иль мать моя его родила чудомъ —
До срока за четырнадцать недѣль.
Вотъ почему — согласно съ завѣщаньемъ —
Я, государь, прошу земель моихъ.

Король Джонъ (*Роберту*).
Твой братъ усыновленъ путемъ законнымъ,
Рожденъ онъ въ бракъ матерью твоею;
Пусть грѣхъ и былъ — она одна въ отвѣтъ,
И каждый, кто себѣ беретъ жену,
Обмануть можетъ быть. Теперь положимъ,
Что братъ мой Ричардъ, по твоимъ словамъ,
Приживши сына съ матерью твоею,
Его задумалъ требовать себѣ?
Не могъ ли твой отецъ ему и свѣту

Сказать, что никогда никто не вправѣ
Съ коровою теленка разлучать?
И въ томъ сомнѣнья нѣтъ, и если бѣ точно
Тотъ сынъ былъ сыномъ брата моего,
То не было бѣ такого притязанья
И съ нимъ отказа. Вотъ мой приговоръ:
Мой братъ родилъ наслѣдника прямого —
И тотъ наслѣдникъ пусть беретъ наслѣдство.

Робертъ.

Ужели же отца безсильна воля,
Чтобъ земли у чужого сына взять?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Должно-быть, сэръ, была она безсильна
И въ свѣтъ родить, и обобратъ меня.

Королева Элеонора (Филиппу).
Скажи, чѣмъ хочешь быть ты: Фальконбриджемъ
И, какъ твой братъ, помѣстьями владѣть,
Иль сыномъ Сердца Львинаго считаться
И, безъ помѣстьевъ, лорда санъ носить?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Когда бѣ мой братъ владѣлъ моимъ лицомъ,
А я его отцовскою фигурой,
Съ ногами, словно два хлыста — не толще,
Съ руками, будто чучело угря,
И рожей до того худой, что если
Воткнуть ей розанъ за ухо — всѣ скажутъ:
Глядите, вотъ монета въ три полушки, —
То, королева, изъ всего наслѣдства
(Пусть не сойти мнѣ съ мѣста, если лгу)
Я каждый футъ земли сейчасъ отдамъ,
Чтобъ быть опять съ лица самимъ собою
И ни за что сэръ Робертомъ не быть.

Королева Элеонора.
Ты мнѣ по сердцу. Хочешь тяжбу бросить,
Отдать ему помѣстья и идти
За мной — на брань во Францію?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Мой братъ,
Бери себѣ всю землю — такъ и быть!
Своимъ лицомъ пятьсотъ ты добылъ фунтовъ,
Хоть за него копѣйки не дадутъ.
До гроба я за вами, королева!

Королева Элеонора.
Ну, къ гробу можешь безъ меня итти.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Я старшему давать дорогу долженъ.

Король Джонъ.
А какъ тебя зовутъ?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Филиппъ, мой государь, Филиппъ, сынъ старшій
Достойнаго сэръ Роберта супруги.

Король Джонъ.
Носи жъ отнынѣ прозвище того,
Чей ростъ и станъ и чье лицо ты носишь.
Филиппъ, склони колѣна. Подымись
И встань сэръ Ричардомъ Плантагенетомъ!

11

Филиппъ Незаконнорожденный.
Ну, братъ по матери, давай мнѣ руку!
Мнѣ — честь отца, тебѣ — твои помѣстья!
Благословенъ навѣки будетъ часъ
Отлучки сэра Роберта изъ дому!

Королева Элеонора.
Плантагенетъ по духу и по рѣчи!
Отецъ твой Ричардъ въ свѣтъ рожденъ былъ мною —
И бабкою ты можешь звать меня.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Пусть бабку далъ мнѣ случай, а не право,
Хоть то родство и съ лѣвой стороны,
Не все ль равно, въ окно иль просто въ двери,
Въ часъ дня, иль ночью я прошелъ впередъ?
Какъ ни лови — но чтобъ была добыча,
Какъ ни стрѣлай — но цѣли не минуй,
И кто бъ теперь моимъ отцомъ ни звался,
Въ томъ нужды нѣтъ — я взялъ, что мнѣ далось.

Король Джонъ.
Ступай же, Фальконбриджъ! Дала судьба
Ему — высокій санъ, тебѣ — помѣстья!
Ну, королева и сэръ Ричардъ, время
Во Францію, во Францію спѣшить.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Прощай же, братъ! Будь счастливъ! Знать не даромъ
Путемъ законнымъ ты на свѣтъ рожденъ!

(Уходятъ всѣ, кромѣ Филиппа Незаконнорожденнаго)

На футъ одинъ повысился я званьемъ,
Но много миль земли я потерялъ.
За то я вправѣ всякую дѣвчонку
Почтенной лэди сдѣлать. «Добрый день,
Сэръ Ричардъ!» — «А! здорово, мой любезный!»
И Джорджа тутъ Петромъ я назову.
Всѣ выскочки чужихъ именъ не помнятъ;
И новой знати даже непристойно
Припоминать чужія имена.
Вотъ гость пришелъ издалека. Зоветъ
Его мое сіятельство обѣдать.
И, нагрузивъ вельможный мой желудокъ
И зубы чистя, обращаю я рѣчь
Къ почтеннѣйшему гостю-чужеземцу:
«Мой добрый сэръ», начну, склонясь на локоть,
«Скажите мнѣ и то... и то...» Затѣмъ
Отвѣтъ почтительный: «Достойный сэръ,
Повелѣвайте мною! Сэръ почтенный,
Я вашъ слуга!» — «О нѣтъ», я перебую:
«Мой добрый сэръ, я самъ къ услугамъ вашимъ!»
И прежде, чѣмъ опомнится мой гость,
Пойду болтать про По и Аппенины,
О Пиренеяхъ и горахъ Альпійскихъ,
Такъ что, едва бесѣду кончимъ мы,
Часть ужина за нею подоспѣетъ.
Такъ рѣчь ведутъ въ компаніи высокой,
Которая прилична для меня.
Одинъ щенокъ побочный въ наше время
Понять не въ силахъ, что ему должно
Не только что по модѣ наряжаться,
Но модѣ той отъ всей души служить
И изъ души точить тотъ сладкій, сладкій
Тотъ сладкій ядъ, что ложью мы зовемъ.
Хоть надувать людей мнѣ нѣтъ разсчета,
Но ужъ себя беречь обязанъ я,
А на ступеняхъ моего величья
Безъ лжи не обойдется! Это кто
Несется вскачь? Какая это дама?
Иль мужа нѣтъ у ней, чтобъ затрубить
Въ какой-нибудь рожокъ передъ стѣною?

Входятъ лэди Фальконбриджъ и Джемсъ Герней.

Филиппъ Незаконнорожденный.

А, это мать моя! Зачѣмъ, милэди,
Такъ спѣшно вы прибыли ко двору?

Лэди Фальконбриджъ.
Гдѣ этотъ рабъ, твой братъ? Какъ смѣетъ онъ
Своею тяжбой честь мою позорить?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Гдѣ братъ мой Робертъ? Гдѣ тотъ великанъ,
Что старымъ сэромъ Робертомъ рождень былъ?
За сыномъ сэра Роберта пришли вы?

Лэди Фальконбриджъ.
Надъ чѣмъ смѣешься ты, мальчишка дерзкій?
«За сыномъ сэра Роберта! Сэръ Робертъ!
Сынъ сэра Роберта?» А ты не сынъ?

Филиппъ Фальконбриджъ.
Джемсъ Герней — выдъ отсюда на минуту.

Герней.

Иду, Филиппъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Я не Филиппъ теперь,
Есть новости; о нихъ узнаешь скоро.

(Герней уходитъ).

12

Милэди, мнѣ сэръ Робертъ не отецъ:
Во мнѣ его и капли крови нѣту.
И могъ ли онъ, сознайтесь въ этомъ сами,
Меня на свѣтъ родить? Нѣтъ, не по немъ
Такое дѣло было! Всѣ мы знаемъ
Его издѣлья! Сообщи жъ мнѣ, мать,
Кому я одолженъ за эти члены?
Вотъ эту ногу — сдѣлалъ не сэръ Робертъ.

Лэди Фальконбриджъ.
И ты, должно быть, съ братомъ въ заговорѣ,
Хоть честь мою былъ долженъ защищать!
Что значать эти шутки, плутъ негодный?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Не плутъ, а рыцарь, матушка: въ дворяне
Я возведенъ — еще плечо болитъ.
Теперь я сэру Роберту не сынъ,
Съ наслѣдствомъ и съ отцомъ я распростился,
И имя, и законное рожденье —
Все прочь ушло. Скажи мнѣ безъ утайки:

Кто мой отецъ? Надѣюсь, мать моя,
То былъ почтенный человѣкъ. Не такъ ли?

Лэди Фальконбриджъ.
И ты отвергнулъ имя Фальконбриджей?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Такъ вѣрно, какъ отвергнулъ сатану.

Лэди Фальконбриджъ.
Тотъ государь, кто прозванъ Львинымъ-Сердцемъ,
Тебѣ отцомъ былъ. Долгою любовью
И жаркими мольбами онъ склонилъ
Меня на грѣхъ: пусть Богъ тотъ грѣхъ проститъ мнѣ!
Та страсть была превыше силъ моихъ —
И ты ея плодомъ на свѣтъ родился.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Клянуся свѣтомъ, мать моя, когда бъ
Мнѣ предложили въ свѣтъ родиться снова,
Я не желалъ бы лучшаго отца.
Съ инымъ грѣхомъ идетъ прощенье вмѣстѣ:
Твой грѣхъ таковъ. Нѣтъ срама въ той винѣ!
Ты отдала законной данью сердце,
Склонившись предъ любовію того,
Кто мужествомъ и силой несравненной
Былъ страшенъ грозно-царственному льву
И сердце льва рукой могучей вырвалъ.
Съ кѣмъ левъ не смѣетъ въ бой идти за сердце,
Тому ли сердца женскаго не взять?
Да, мать моя, всѣмъ сердцемъ шлю привѣтъ
Тебѣ я за родителя такого!
Кто обвинить тебя въ моемъ рожденіи,
Того я душу прямо въ адъ пошлю.
Поди къ роднымъ моимъ — и ты услышишь,
Что если бы ты Ричарда любовь
Отвергла, то бъ отказъ тотъ былъ грѣхомъ!
И первый я тебѣ поклялся бъ въ томъ.
(Уходятъ).

13

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Франція. Подъ стѣнами Анжера.

Входятъ, съ одной стороны, эрцгерцогъ австрійскій съ войскомъ;

*съ другой — король Филиппъ французскій съ войскомъ же,
Людовикъ, Констанція, Артуръ и свита.*

Людовикъ.

Привѣтъ тебѣ, эрцгерцогъ знаменитый,
Передъ стѣной Анжера! Вотъ, Артуръ,
Тотъ мощный герцогъ, кѣмъ былъ доведенъ
До гибели безвременной твой дядя,
Великій Ричардъ, воинъ Палестины,
Боецъ, у льва изъ груди сердце взявшій.
Чтобъ примириться съ Ричарда потомствомъ,
По вашей просьбѣ, герцогъ къ вамъ пришелъ;
Свои знамена за тебя онъ поднялъ
И въ бой спѣшитъ за похищеніе трона,
Съ жестокосердымъ дядею твоимъ,
Злодѣемъ Джономъ, королемъ британскимъ.
Скажи жъ привѣтъ и обними его!

Артуръ (эрцгерцогу).

Смерть Ричарда Господь тебѣ прощаетъ
За жизнь, что ты его потомству плешь,
Прикрывъ его права крыломъ могучимъ.
Рукой безсильной мой привѣтъ я шлю
И сердцемъ, полнымъ чистою любовью:
Привѣтъ тебѣ передъ Анжеромъ, герцогъ!

Людовикъ.

Ребенокъ благородный, кто же здѣсь
Не жаждетъ за права твои вступиться?

Эрцгерцогъ австрійскій
(цѣлуя Артура).

Тебѣ на щеки жаркій поцѣлуй
Кладу я, какъ печать любви и клятвы —
Въ томъ клятвы, что домой я не вернусь,
Пока Анжеръ съ твоими областями
Во Франціи и берегъ бѣлый тотъ,
Что отбиваетъ грозною пятой
Шумящіе приливы океана,
Храня народъ свой отъ дружинъ чужихъ,
Передъ тобой не склонятся; покуда —
Та Англія, что стѣнами валовъ
И вѣчною оградой океана
Отъ замысловъ войны ограждена,
Покуда Запада послѣдній уголъ
Тебѣ не дастъ привѣта, какъ царю, —
До той поры, мой юноша, я стану

Констанція.

О, матери прими ты благодарность,
Прими вдовы привѣтъ — до той поры,
Пока онъ самъ, твоей рукой могучей
Возвышенный, за всю твою любовь
Получить силу отплатить достойно.

Эрцгерцогъ австрійскій.

Господь свой миръ даетъ тому, кто мечъ
На брань такую праведную поднялъ.

Король Филиппъ.

За дѣло же, направимъ пушки наши
Въ вершину непокорныхъ этихъ стѣнъ.
Сзывайте же искуснѣйшихъ вождей:
Изыщемъ съ ними средства къ нападенью.
Предъ городомъ мы царскими костями
Готовы лечь въ потокахъ нашей крови,
Чтобъ юношѣ подъ власть его отдать.

Констанція.

Дождись отвѣта твоему посольству,
Чтобъ кровью не пятнать мечей безъ нужды.
Изъ Англіи, быть можетъ, Шатильонъ
Съ словами мира принесетъ намъ то,
Чего хотимъ войною мы добиться.
Тогда отъ каждой капли крови намъ
Свою поспѣшность проклинать придется.

Входитъ Шатильонъ.

Король Филиппъ.

Какое чудо! Чуть сказала ты —
И Шатильонъ, посолъ нашъ, здѣсь явился.
Ну, говори короче, добрый лордъ,
Что шлетъ король? Отвѣта лишь и ждемъ мы.

Шатильонъ.

Стяни жъ войска, простись съ осадой мелкой
И будь готовъ на новый, тяжкій трудъ.
Разгнѣванный законнымъ притязаньемъ,
Войной идетъ британецъ на тебя.
Съ противнымъ вѣтромъ въ морѣ я боролся —
И онъ успѣлъ, въ одно со мною время,
На берегъ высадить свои полки
И двинуться на этотъ самый городъ

Съ надежной, многочисленною силой.
Съ нимъ королева, мать его, пришла,
Какъ фурія, ко брани подстрекая,
Съ племянницей своей, испанской Бланкой.
Еще при нихъ сынъ Ричарда побочный
И цѣлый сбродъ отчаянныхъ головъ,
Охотниковъ воинственныхъ и пылкихъ,
Съ лицомъ дѣвицъ, но съ бѣшенствомъ драконовъ.
Свои помѣстья продали они
И, взявъ на плечи все свое богатство,
Явились къ намъ за новою добычей.
Такого сбора воиновъ безстрашныхъ,
Что Англія къ намъ бросила теперь,
Приливъ морей еще не выносилъ
На горе и обиды христіанамъ.

(Слышны вдалекѣ барабаны).

Чу! рѣчь мою перебиваетъ громъ
Ихъ барабановъ: врагъ ужъ подошелъ.
Готовься къ объясненьямъ или къ бою.

Король Филиппъ.

Какъ быстро совершилось дѣло это!

Эрцгерцогъ австрійскій.

Пусть мы врага не ждали — тѣмъ сильнѣй
Должны мы приготовиться къ отпору;
Распознается доблесть въ трудный часъ;
Пусть врагъ идетъ — и мы готовы къ бою.

*Входятъ король Джонъ, Элеонора, Бланка, Филиппъ
Незаконнорожденный, Пэмброкъ и войско.*

Король Джонъ.

Миръ Франціи — когда она сама
Встрѣчаетъ миромъ насъ на земляхъ нашихъ!
А если нѣтъ, пусть миръ взлетитъ на небо —
И мы, орудье божескаго гнѣва,
Французской кровью смоемъ тяжкій грѣхъ
Тѣхъ гордецовъ, что миръ отвергли сами.

Король Филиппъ.

Миръ Англіи, когда ея бойцы
Въ родной свой край уйдутъ отсюда съ миромъ!
Для блага Англіи, любезной намъ,
Мы льемъ свой потъ подъ тяжкою бронею;
Нашъ трудъ — ты самъ бы долженъ предпринять,
Но слишкомъ мало родину ты любишь.
Ты Англіи законнаго монарха

Права попраля, преемственность нарушилъ,
Безстыдно государство обманулъ
И дѣвственный вѣнецъ его похитилъ.
Взгляни въ лицо Готфридову дитяти:
Въ его челѣ и взглядѣ живъ твой братъ;
Здѣсь въ слабомъ тѣлѣ скрыто все, что было
Въ Готфридовомъ великомъ тѣлѣ, что
Съ годами намъ его сильнѣй напомнить.
Тебѣ Готфридъ тотъ старшимъ братомъ былъ —
Вотъ сынъ его. И Англія Готфриду
Принадлежала такъ, какъ этотъ сынъ.
Такъ почему жъ ты королемъ зовешься,

15

Когда еще живая бьется кровь
Въ вискахъ того, чью ты корону отнял?

Король Джонъ.
Кто право далъ тебѣ, король французскій,
Вопросы мнѣ такіе задавать?

Король Филиппъ.
Тотъ Вѣчный Судія, кто въ сердцѣ сильныхъ
Родитъ благіе помыслы на брань
Со всѣмъ, что правду рушить и пятнаеть;
Тотъ Судія мнѣ отдалъ подъ защиту
Готфридова младенца, далъ мнѣ право
Винить тебя — и помощь мнѣ подастъ
На то, чтобъ казнъ свершилъ я надъ тобою.

Король Джонъ.
Ты беззаконно власть берешь себѣ.

Король Филиппъ.
Затѣмъ, чтобъ кончить съ властью беззаконной.

Королева Элеонора.
Какую власть ты такъ зовешь, король?

Констанція.
Отвѣчу я: власть сына твоего.

Королева Элеонора.
Безстыдница, ты въ короли желаешь
Затѣмъ возвестъ побочнаго щенка,
Чтобъ на смѣхъ свѣту вытти въ королевы!

Констанція.
Была вѣрна я сыну твоему,
Какъ ты его отцу. Ребенокъ этотъ
Съ родителемъ Готфридомъ сходень такъ же,

Какъ ты со Джономъ — оба сходны вы,
Какъ дождь съ водой и дьяволъ съ сатаной.
Мой сынъ — щенокъ побочный! Можетъ-быть,
Отецъ его такимъ щенкомъ не былъ ли?
Вѣдь, ты его на свѣтъ произвела!

Королева Элеонора (*Артуру*).
Смотри — какъ мать твоя срамитъ отца!

Констанція (*ему же*).
Смотри, какъ бабка насъ съ тобой позорить!

Эрцгерцогъ австрійскій.
Молчите!

Филиппъ Незаконнорожденный.
Слушать крикуна!

Эрцгерцогъ австрійскій.
Это что?

Ты что за чортъ?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Сэръ, этотъ чортъ съ тобою

16

Когда нибудь расправится чертовски.
Ты заяцъ тотъ, что въ храбрости своей
Убитыхъ львовъ привыкъ щипать за гриву.
Еще къ твоей я кожѣ подберусь —
Ты это знай: свое сдержу я слово.

Бланка.
Не даромъ онъ прикрылся кожей львиной,
Ему не въ диво кожу съ льва снимать.

Филиппъ Незаконнорожденный.
И кожа та сидитъ на немъ такъ славно,
Какъ башмаки Алкида на ослѣ;
Но я сниму тотъ грузъ съ спины ослиной,
Чтобъ плечи не рассыпались подъ нимъ.

Эрцгерцогъ австрійскій.
Какой осель намъ уши оглушаетъ
Потоками безпутной болтовни?
Король Филиппъ, рѣшайте, что намъ дѣлать.

Король Филиппъ.
Вы, женщины и болтуны, молчите!
Король британскій, вотъ условья наши:
Во имя правъ Артура, отъ тебя
Я требую Ирландіи, Турени,

Анжу и Мень, и Англіи. Согласенъ
Ты ихъ отдать и миръ принять отъ насъ?

Король Джонъ.
Скорѣй отдамъ я жизнь — вотъ вамъ мой вызовъ.
Артуръ Бретонскій, примиришь со мной —
И я вручу тебѣ, съ любовью нѣжной,
Чего не взять отъ насъ французамъ-трусамъ.
Ребенокъ, уступи.

Королева Элеонора.
Твоя я бабка:
Дитя — иди ко мнѣ.

Констанція.
Иди, дитя,
Иди, отдай ей царство. Бабка дастъ
Тебѣ за то и пряниковъ, и ягодъ:
Вѣдь, бабка такъ добра!

Артуръ.
Мать, не кричи!
Я умереть желалъ бы, въ землю лечь:
Не стою ссоръ я и смятеній этихъ.

Королева Элеонора.
За мать стыдится онъ и плачетъ, бѣдный!

Констанція.
Стыдится или нѣтъ — но ты стыдись!
Не матери, а бабки преступленья
Изъ глазъ его тѣ перлы извлекли;
И дань изъ бѣдныхъ глазъ Господь возьметъ,
И небеса за жемчугъ тотъ прозрачный
Отплатятъ вамъ и защитятъ его.

Королева Элеонора.
Клеветишь ты на землю и на небо!

Констанція.
И небеса, и землю ты срамишь!
Не клевету я. Ты съ семьей своею
Похитила у бѣднаго младенца
Права, помѣстья, королевскій санъ.
Онъ въ свѣтъ рождень твоимъ же старшимъ сыномъ;
Въ тебѣ одной нашелъ несчастье онъ;
Черезъ тебя ребенокъ мой страдаетъ,
И на него обрушился законъ,
Карающій въ позднѣйшемъ поколѣнн
Плоды утробы пагубной твоей.

Король Джонъ.
Молчи, безумная!

Констанція.

Одно скажу я:

Не только онъ грѣхомъ ея несчастень,
Но попустилъ Господь и ей самой
Терзать младенца. И ея неправда,
И цѣлый рядъ ея поступковъ гнусныхъ
Караются въ ребенкѣ этомъ бѣдномъ.
Пусть упадетъ проклятье на нее!

Король Филиппъ.

Довольно жъ. Обуздай себя на время:
Передъ такимъ собраньемъ неприлично
Озлобленные рѣчи повторять.
Трубитъ скорѣй и вызвать трубнымъ звукомъ
Анжерскихъ гражданъ на стѣну! Пускай
Они дадутъ намъ отзывъ — за Артура
Или за Джона городъ ихъ стоитъ.

Трубятъ въ трубы. Граждане выходятъ на стѣну.

1-й гражданинъ.

Кто насъ зоветъ на стѣну городскую?

Король Филиппъ.

Король французскій для британскихъ дѣлъ.

Король Джонъ.

Король британскій, чтобы объявить
Своимъ любезнымъ подданнымъ Анжера...

Король Филиппъ.

Анжерскихъ гражданъ, подданныхъ Артура,
Труба зоветъ на ласковую рѣчь.

Король Джонъ.

Рѣчь обо мнѣ — и говорю я первый.
Развились французскія знамена
Передъ стѣною вашей городской
На гибель вамъ пришли знамена эти,
И жерла пушекъ, яростію полныхъ,
Готовы плюнуть бѣшенымъ дождемъ
Изъ чугуна на укрѣпленья ваши.
Къ осадѣ безпощадной и кровавой
Уже готовъ безжалостный французъ.
Онъ дерзко сталъ предъ вашими вратами,
И только нашъ приходъ ему мѣшаетъ

Разбить пальбой изъ пушекъ стѣну ту,
Что поясомъ вашъ обнимаетъ городъ,
Повырвать съ ихъ постели известковой
Тѣ камни, что въ стѣнѣ спокойно спятъ,
И по развалинамъ открыть дорогу
Толпѣ кровавой въ мирный городъ вашъ.
Но я пришелъ, законный вашъ король:
Я ускорию походъ мой многотрудный,
Я поспѣшилъ загородить къ вамъ путь
И городъ вашъ укрыть отъ ранъ кровавыхъ,
Я къ вамъ пришелъ — и оробѣлъ французъ:
Онъ захотѣлъ вести переговоры.
И вотъ теперь къ вамъ не огонь онъ шлетъ,
Не ядрами вашъ городъ въ дрожь кидаетъ,
А тихими словами мѣтитъ въ васъ,
И дымомъ онъ туманитъ вашъ разсудокъ.
Достойно жъ встрѣтите, граждане, ту рѣчь
И намъ, монарху, ворота откройте.
Вашъ государь, взволнованный въ душѣ,
Усталый отъ поспѣшнаго похода,
Средь вашихъ стѣнъ желаетъ отдохнуть.

К о р о л ь Ф и л и п п ъ .

Вотъ рѣчь моя; за ней — мы ждемъ отвѣта.
Смотрите, здѣсь, направо отъ меня,
Близъ той руки, что, по велѣнью неба,
Въ защиту права мною поднята,
Стоитъ Плантагенетъ, державный отрокъ.
Его отецъ вотъ этому пришельцу
Былъ старшій братъ, и, стало-быть, тотъ отрокъ
Король ему — монархъ его владѣній.
Въ защиту правъ, растоптанныхъ безчестно,
Съ дружиною луга мы топчемъ ваши;
Мы къ вамъ пришли не съ лютой непріязнью, —
Насъ долгъ привелъ, долгъ ревности святой,
Въ защиту угнетенному младенцу.
Итакъ, спѣшите жъ долгъ исполнить вашъ:
Признать монархомъ принца молодого
И въ подданствѣ склониться передъ нимъ.
Тогда оружье наше будетъ страшно
По виду лишь, какъ скованный медвѣдь;
Изъ нашихъ пушекъ громъ безвредный грянетъ
По облакамъ, въ небесной высотѣ,
А мы уйдемъ съ благословеньемъ вашимъ,
Безъ боя и рубцовъ на нашихъ шлемахъ,

Не иззубривъ мечей въ кровавой сѣчѣ,
Не оросивши кровью вашихъ стѣнъ —
Уйдемъ домой, оставя съ миромъ васъ.
И вашихъ женъ, и ребятишекъ вашихъ.
Но если вы отвѣтите отказомъ
На рѣчь мою, то отъ громовъ войны
Васъ не укроетъ толща старыхъ стѣнъ,
Хотя бъ за ихъ оградой суровой
Вы помѣстили всѣ полки британцевъ.
Рѣшайтесь же. Признайте нашу власть
Во имя правъ, предъявленныхъ предъ вами,
Иль къ нападенію подадимъ мы знакъ —
И двинемся на васъ путемъ кровавымъ.

1-й гражданинъ.

Отвѣтъ нашъ въ двухъ словахъ: король британскій
И городу, и всѣмъ намъ государь.

Король Джонъ.

Признайте же меня своимъ монархомъ —
И ворота откройте предо мной.

1-й гражданинъ.

Мы предъ тѣмъ лишь склонимся, кто здѣсь
Докажетъ намъ, что онъ король британскій.
До той поры — въ ворота нѣтъ пути!

18

Король Джонъ.

Когда корона Англіи не въ силахъ
Вамъ доказать, что я вашъ государь,
То тридцать тысячъ я привелъ съ собою
Британскихъ душъ свидѣтелями.
Филиппъ Незаконнорожденный.
Также
Дѣтей побочныхъ и другихъ.

Король Джонъ.

И каждый
Изъ нихъ то право жизнью подтвердить.

Король Филиппъ.

Я столь жъ, какъ и онъ, честныхъ по роду
Привелъ бойцовъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Дѣтей побочныхъ также.

Король Филиппъ.

Чтобъ замысламъ его противостать.

1 - й гражданинъ.

Рѣшайте жъ — кто изъ васъ король законный;
До той поры мы васъ не признаемъ.

Король Джонъ.

Такъ пусть же Богъ проститъ грѣхи тѣхъ душъ,
Что устремятся къ вѣчному жилищу
До ночи — раньше чѣмъ падетъ роса —
Въ кровавомъ спорѣ за законность нашу!

Король Филиппъ.

Аминь, аминь! Садитесь на коней!
Къ оружью, рыцари!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Святой Георгій,

Дракона одолѣвшій — и съ тѣхъ поръ
Гарцующій передъ дверьми трактировъ —
Учи насъ биться!

(Эрцгерцогу). Если бъ я теперь
Въ твоей берлогѣ былъ съ твоею львицей,
Я бъ насадилъ надъ этой львиной гривой
Бычачью голову — и былъ бы ты
Большимъ тогда уродомъ.

Эрцгерцогъ австрійскій.

Тсс! Молчи!

Филиппъ Незаконнорожденный.

О, трепещите: то рыканье льва.

Король Джонъ.

Туда, въ долину! Тамъ свои дружины
Построимъ мы — и къ бою поведемъ!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Скорѣй! Займите лучшую часть поля.

Король Филиппъ. (Людовику).

Идемъ! Иди — и на другомъ холмѣ
Разставь войска. Господь и право наше!
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Тревога. Сраженіе. Отступленіе войскъ. Французскій

Герольдъ съ трубами подходитъ къ городскимъ воротамъ.

Французскій герольдъ.

Ворота настезь, граждане Анжера!
Артуръ идетъ, бретонскій юный герцогъ,
Тотъ, за кого сегодня нашъ король
Повергнулъ въ слезы матерей британскихъ,
Чьи сыновья лежатъ въ кровавомъ прахѣ;
Тотъ, за кого у многихъ женъ мужья
Теперь сырую землю обнимаютъ.
Съ потерей легкой на знамена къ намъ,
Играя, опустилася побѣда —
И гордо развились знамена тѣ.
Они идутъ къ вамъ, и король вашъ съ ними,
Артуръ бретонскій, Англіи король!
Входитъ англійскій герольдъ съ трубами.

Англійскій герольдъ.

Въ колокола звоните и ликуйте,
Анжерцы! Джонъ британскій, вашъ король,
Идетъ сюда, враговъ своихъ сломивши
Въ сегодняшней и злой, и жаркой битвѣ!
Французской кровью, словно позолотой,
Покрыты латы воиновъ его,
Какъ серебро блиставшія недавно;
Удары копій вражескихъ не сбили
И перышка съ британскаго шелома;
Знамена наши цѣлы въ тѣхъ рукахъ,
Что передъ боемъ здѣсь развили грозно,
И, какъ толпа охотниковъ веселыхъ,
Идутъ британцы, руки омочивъ
Въ крови враговъ, погибшихъ въ сѣчѣ лютой.
Ворота настезь! побѣдили мы!

1 - й гражданинъ.

Герольды, мы глядѣли съ нашихъ башенъ
На ходъ сраженья и конецъ его:
Мы знаемъ то, что лучшій глазъ не въ силахъ
За кѣмъ-нибудь примѣтитъ перевѣса,

Что кровь за кровь пошла, за силу сила,
Удары за удары, гнетъ за гнетъ.
Для насъ равны права и сила ваша.
Побѣда намъ нужна: при равновѣси
Къ намъ нѣтъ дороги — не для васъ нашъ городъ.

Входятъ, съ одной стороны, Король Джонъ съ войскомъ, Элеонора,

Бланка и Филиппъ Незаконнорожденный; съ другой — король
Филиппъ, Людовикъ, эрцгерцогъ австрійскій и ихъ войско.

Король Джонъ.

Еще ль у васъ довольно лишней крови?
Скажи, французъ, еще ли наше право
Стремительнымъ потокомъ течь должно?
Смотри, чтобъ тотъ потокъ, на зло преградамъ,
Изъ береговъ не выступилъ затѣмъ,
Чтобъ затопить собой твои владѣнья!
Опомнись, дай серебряной той влагѣ
Къ пучинѣ океана мирно плыть.

Король Филиппъ.

Британецъ, иль въ горячей сѣчѣ нашей
Ты меньше пролилъ крови, чѣмъ французъ?
Нѣтъ, больше насъ тобой пролито крови.
Клянусь моей державною рукой,
Что править всей окрестною землею,
Оружія, поднятаго за правду
Противъ тебя, на землю не слагать
До той поры, пока ты не смиришься,
Или пока мы сами не падемъ,
Украшивъ счетъ погибшимъ въ этой брани
Великимъ, царскимъ именемъ своимъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

О, къ облакамъ царей восходитъ слава,
Когда вскипаетъ царственная кровь!
И смерть сама, булатными мечами
Свои клыки и когти замѣнивъ,
Летитъ на шумъ угрозы королевской
На грудѣ труповъ пиршество держать!
Что жъ, короли, въ молчаньи вы стоите?!
Назадъ на поле, смоченное кровью!
Властители, пылающіе гнѣвомъ,
Спѣшите въ бой: вы силами равны!
Одинъ падеть — и будетъ миръ другому;
До той порыудары, смерть и кровь!

Король Джонъ.

Вы за кого, анжерцы? — отвѣчайте!

Король Филиппъ.

Анжерцы, кто законный вашъ король?

1-й гражданинъ.

Тотъ, кто законный государь британскій.

Король Филиппъ.
Въ лицѣ моемъ предъ вами тотъ монархъ.

Король Джонъ.
Я вашъ король, я представитель власти,
Во мнѣ самомъ и титуль, и права
На васъ, на городъ вашъ и земли ваши.

1 - й гражданинъ.
Другая власть, сильнѣйшая, чѣмъ мы,
Опровергаетъ эти увѣренья.
Пока сомнѣнье длится, вмѣстѣ съ нимъ
Мы заперты за крѣпкими стѣнами,
Намъ царь — сомнѣнье, и его права
Падутъ лишь предъ монархомъ несомнѣннымъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Клянусь я небомъ, подлые анжерцы
Лишь тѣшатся надъ вами, короли!
Имъ весело, какъ на скамьяхъ театра,
Торчатъ безъ страха на стѣнахъ своихъ
И, ротъ разинувъ, издали глядѣтъ
На весь вашъ споръ и тяжкія сраженья.
Въ присутствіи монарховъ я рѣшаюсь
Дать мой совѣтъ: какъ тѣ бунтовщики,
Что въ Іерусалимѣ примирились,
На время сблизьтесь и идите вмѣстѣ
На городъ ихъ войною безпощадной.
Пусть съ двухъ сторонъ, съ востока и заката,
Французъ съ британцемъ ставитъ пушекъ рядъ,
Зарядить ихъ до жерлъ и бьетъ по стѣнамъ,
Пока подъ тяжкимъ громомъ пушекъ тѣхъ
Не распадутся каменные ребра
Ихъ крѣпости, презрительно кичливой.
Стрѣляйте безъ пощады: пусть мерзавцы
Останутся предъ вами безъ защиты.
Тогда сведите вновь свои полки,
Знамена ваши вновь разъедините
И вновь въ бою кровавомъ, грудь на грудь,
Пускай судьба рѣшаетъ между вами,
Кому ея любимцемъ быть — кому
Она отдастъ всю славу дня того
И съ поцѣлуемъ подарить побѣду.
По нраву ль вамъ, могучіе монархи,
Пришелся мой отчаянный совѣтъ?

Король Джонъ.

Небеснымъ сводомъ, что виситъ надъ нами,
 Клянусь я — тотъ совѣтъ мнѣ по душѣ!
 Что скажешь ты, король? Сойтись ли намъ
 И, разметавъ Анжеръ, въ сраженьи новомъ
 Рѣшить — кто будетъ королемъ его?

Филиппъ Незаконнорожденный.
(французскому королю).

Когда въ тебѣ есть царственная гордость
 И ты сердитъ на мерзкій городъ этотъ,
 То вмѣстѣ съ нами пушки ты поставь
 Противъ его упорныхъ укрѣпленій;
 Размечемъ въ прахъ тѣ стѣны — и тогда
 Другъ другу вызовъ кинете вы снова,
 И вновь въ бою сойдемся мы толпой,
 И на небо иль въ адъ пойдемъ мы разомъ!

Король Филиппъ.
 Пусть будетъ такъ! Гдѣ ты начнешь огонь?

Король Джонъ.
 Съ востока я пальбу открыть намѣренъ
 По городу.

Эрцгерцогъ австрійскій.
 На сѣверѣ я стану.

Король Филиппъ.
 Я съ юга громъ пошлю — и, вмѣстѣ съ нимъ,
 Дождемъ на городъ наши ядра хлынутъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.
(въ сторону).

Отлично разочли французъ съ австрійцемъ!
 На югъ и сѣверъ! Бейте другъ по другу!
 Я подстрекну васъ. Всѣ впередъ, впередъ!

1-й гражданинъ.
 Великіе монархи — погодите,
 Не откажите выслушать меня:
 Я укажу путь къ миру и союзу,
 Я научу васъ городъ взять безъ боя
 И, можетъ быть, спасу отъ смерти лютой
 Бойцовъ, что ужъ на жертву обреклись.
 Остановите гнѣвъ вашъ, государи,
 И выслушайте рѣчь мою.

Король Джонъ.
 Охотно

Готовы слушать мы. Что скажешь намъ?

1 - й г р а ж д а н и н ъ .

При васъ дитя Испаніи — та Бланка,
Что королю британскому родня.
По возрасту прекрасная дѣвица
Къ Людовику дофину такъ близка.
Коль красота нужна для жаркой страсти,
Кто въ красотѣ сравнится съ лэди Бланкой?
Коль непорочность для любви нужна,
Кто въ чистотѣ поспоритъ съ лэди Бланкой?
Когда любовь горда и ищетъ сана,
Чья кровь священнѣй лэди Бланки?
Такъ, какъ она, душой, красой и саномъ —
Всѣхъ въ свѣтѣ выше молодой дофинъ;
И для того, чтобъ совершеннымъ быть,
Ему нужна она, какъ ей онъ нуженъ
Для полного на свѣтѣ совершенства.
Его судьба осыпала дарами,
И въ ней найдетъ онъ дополненіе къ нимъ.
Она полна всѣхъ прелестей и въ мужѣ
Найдетъ вѣнецъ достоинствамъ своимъ.
Когда такихъ сребристыхъ два потока
Сольются вмѣстѣ — счастье берегамъ,
Среди которыхъ потекутъ ихъ воды!
Въ васъ, короли, мы видимъ берега
Для тѣхъ двухъ рѣкъ, когда онѣ сольются,
Когда на бракъ ихъ сблизитъ мудрость ваша.
Свершите жъ тотъ союзъ — и безъ войны
Быстрѣй, чѣмъ отъ ударовъ гнѣвныхъ пушекъ,
Мы распахнемъ ворота передъ вами.
Безъ этого — мы глухи къ увѣщаньямъ,
Какъ глухо море въ часъ ужасной бури.
Львы болѣе доверчивы, чѣмъ мы,
И скалы прежде насъ смягчиться могутъ.
Рѣшеніе наше смерти непреклоннѣй —
И города мы не сдадимъ.

Ф и л и п п ъ Незаконнорожденный.

Бездѣльникъ,

Чего ты намъ про смерть не наболталъ!
Ты заплевалъ словами насъ, разиня!
Про смерть, про скалы и про волны моря,
И про ревущихъ львовъ ты рѣчи велъ,
Какъ дѣвочка толкуетъ про собачку!
Отъ пушкаря родился вѣрно онъ,

Что такъ твердить про пушки, дымъ и ядра:
Какъ палкой, всѣхъ колотить языкомъ
И съ каждымъ словомъ заѣзжаетъ въ ухо,
Какъ будто-бы французскимъ кулакомъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ тятей сталъ я звать отца,
Я болтовни такой клянусь не слышалъ!

Королева Элеонора (*королю Джону*).
Сынъ, согласись на предложеніе гражданъ.
Согласье дай на бракъ и вмѣстѣ съ нимъ
Племянницѣ хорошія помѣстья.
Союзомъ тѣмъ прочнѣе ты скрѣпишь
Свои права на шаткую корону,
И мальчикъ, такъ теперь для насъ опасный,
Не вызрѣетъ подъ солнцемъ въ сильный плодъ.
Въ глазахъ французовъ радость вижу я;
Вотъ шепчутся они... Склони же ихъ,
Пока ихъ души къ выгудѣ наклонны,
Пока не охладилось, не замерзло
Ихъ рвеніе, что подъ пламеннымъ дыханьемъ
Мольбы и состраданья разгорѣлось.

1 - й гражданинъ.
Что жъ оба государя скажутъ намъ
Въ отвѣтъ на нашу дружескую рѣчь?

21

Король Филиппъ.
Пусть англичанинъ прежде говорить:
Онъ говорилъ здѣсь первымъ.

(*Королю Джону*). Что ты скажешь?

Король Джонъ.
Когда дофинъ твой царственный способенъ
Прочестъ «люблю» по этой книгѣ милой —
(*показывая на Бланку*)
Я какъ царицу надѣлю ее.
Анжу, Турень и Менъ, и Пуатье,
И земли всѣ отсюда и до моря,
Признавшія и санъ нашъ и права
(Лишь исключивъ одинъ Анжеръ изъ нихъ),
Собой ей ложе брачное украсятъ,
Какъ золотомъ, и будетъ съ той поры
Она равна по власти и богатству
Принцессамъ всѣмъ, какъ имъ была равна
Красою, кровью, воспитаньемъ царскимъ.

Король Филиппъ. *(дофину)*.
Что скажешь, сынъ? Взгляни въ лицо дѣвицѣ.

Людовикъ.
Гляжу, мой государь, и вижу я
Въ ея глазахъ неслыханное чудо:
Въ нихъ самъ я отразился, будто тѣнь,
И эта тѣнь блестящимъ солнцемъ стала,
А сынъ вашъ тѣнью солнца этихъ глазъ.
Клянусь, любить себя я былъ не въ силахъ
До той поры, пока не увидалъ
Свой образъ въ этомъ взглядѣ глазъ прелестныхъ!

(Шепчется съ Бланкой).

Филиппъ Незаконнорожденный.
(въ сторону).

Какимъ же образомъ дрянной твой образъ
Въ ея глаза попалъ, какъ бы въ тюрьму?
Должно-быть, ты измѣнникъ по природѣ,
Когда въ любви темницу видишь ты.

Бланка *(дофину)*.
Я съ волей дяди спорить не умѣю:
Когдѣ тебѣ любовь онъ далъ свою —
Не трудно мнѣ сказать свое согласье
На то, что по-сердцу ему пришлось,
И даже, чтобъ сказать еще точнѣе,
То полюбить, что нравится ему.
Тебѣ, милордъ, я здѣсь не стану льстить:
Я не скажу, что весь любви ты стоишь;
Но я въ тебѣ не вижу ничего —
Хотя бъ смотрѣла строгими глазами —
Что бъ стоило вражды и отвращенья.

Король Джонъ.
Что молодежь толкуетъ? Что намъ скажетъ
Племянница?

Бланка.
Что честь ея велитъ
Повиноваться вашей мудрой волѣ.

Король Джонъ.
Ты можешь ли любить ее, дофинь?

Людовикъ.
Спроси, могу ль я не любить ее!
Я искренно ей преданъ всей душою.

Король Джонъ.

Бери жъ ее и пять провинцій съ нею —
Волькессенъ, Менъ, Анжу и Пуатье,
Турень и съ нею тридцать тысячъ марокъ
Британскою монетою. Когда,
Филиппъ французскій, ты доволенъ этимъ,
То руки ихъ соедини.

Король Филиппъ.

Я радъ!

Ну, сынъ и дочь, соедините руки.

Эрцгерцогъ австрійскій.

И губы тоже. Помню, какъ и я
При обрученъи тоже цѣловался.

Король Филиппъ. (*анжерцамъ*).

Ну, граждане, скорѣй открыть ворота!
Мы черезъ васъ друзьями къ вамъ придемъ,
И тотчасъ же обрядъ свершимъ мы брачный
Въ капеллѣ у святой Маріи. Гдѣ же
Констанція? Я знаю, что она
Ушла отъ насъ: присутствіе ея
Могло бы помѣшать тому союзу.
Кто знаетъ — гдѣ она и сынъ ея?

Людовикъ.

Она въ палаткѣ вашей, государь,
Въ тоскѣ и гнѣвѣ.

Король Филиппъ.

И, клянуся небомъ,

Союзъ нашъ скорби той не облегчить!
Британскій братъ нашъ, чтобы намъ придумать
Для той вдовы? Вѣдь, за ея права
Я шель на бой, и — видитъ Богъ — изъ выгодъ
Своихъ я отступился отъ нея!

Король Джонъ.

Мы все поправимъ: юному Артуру
Мы герцогство Бретонское дадимъ,
И графство Ричмондъ, и Анжеръ богатый
Къ нему прибавимъ. Пусть идетъ гонецъ
И пригласитъ Констанцію скорѣе
Присутствовать при бракѣ. Не надѣюсь
Ея желаній всю исполнить мѣру.

Но хоть отчасти наградимъ ее

И отъ ея упреков оградимся.
Что жъ медлимъ мы? Скорѣй, безъ дальнихъ сборовъ
На торжество нежданное поидемъ.
(Всѣ уходятъ, кромѣ Филиппа Незаконнорожденного.
Граждане сходятъ со стѣны).

Филиппъ Незаконнорожденный.
Безумный свѣтъ! безумцы короли!
Безумное сближенъе! Джонъ британскій,
Чтобъ всѣ права Артура отобрать,
Охотно отдалъ часть своихъ владѣній,
А тотъ французъ, что слылъ бойцомъ Господнимъ,
Что латы вздѣлъ и войско вывелъ въ бой
За правду, честь и собственную совѣсть,
Развѣсивъ уши, дьяволу поддался,
Который искушаетъ насъ на грѣхъ,
Сбиваетъ насъ всегда съ пути прямого,
Велитъ обѣты наши нарушать
И грабить души нищихъ, королей,
И юношей, и стариковъ, и бѣдныхъ
Дѣвицъ, которымъ нечего терять,
За исключеньемъ имени дѣвицы.
Красивъ съ лица тотъ дьяволъ: въ міръ онъ
И властвуетъ, и выгодой зовется.
Нашъ шаръ земной не худо сотворенъ:
По ровному онъ полю ровно ходитъ,
Пока поганой выгоды рука,
Направленная бѣсомъ ухищреннымъ,
И вкривъ, и вкосъ поидетъ его кидать,
По прихоти прыжки тѣ направляя.
И этотъ бѣсъ двуличный, сводникъ этотъ
Измѣнчивою выгодой блеснулъ
Въ глаза французу вѣтреному прямо,
Отвелъ его отъ помысловъ честныхъ
И ходъ войны рѣшительной и правой
Презрѣннымъ, низкимъ миромъ замѣнилъ.
А самъ я почему браню его?
Не потому ль, что выгодой покуда
Я ласково къ соблазну не направленъ?
И я — когда червонцевъ мнѣ предложить —
Сожму ль ладонь, чтобъ денегъ тѣхъ не брать?
Но ихъ мнѣ не даютъ, и я покуда,
Какъ нищій, все ворчу на богачей
И все твержу: «богатство тяжкій грѣхъ»,
До той поры, пока, разбогатѣвши,

Я нищеты считать грѣхомъ не стану.
Когда цари для выгодъ клятвы рушатъ,
Мнѣ счастье — Богъ, и я ему молюсь!
(Уходитъ).

23

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ же. Палатка французскаго короля.

Входятъ Констанція, Артуръ и Салисбюри.

Констанція.

Бракъ торжествуютъ! Миръ хранитъ клянутся!
Кровь лживая слилася съ лживой кровью!
Друзьями стали! Бланки мужъ — Людовикъ,
И Бланка эти области возьметъ!
Не можетъ быть. Ты не разслышалъ вѣрно.
Ты мнѣ не то сказалъ. Прошу тебя —
Всѣ эти вѣсти передай мнѣ снова.
Все это невозможно! Хоть клянись,
Но я тебѣ не ввѣрюсь. Человѣкъ ты,
А часто рѣчь людская — звукъ пустой.
Повѣрь мнѣ, я словамъ твоимъ не вѣрю:
Король не даромъ клятвы мнѣ давалъ.
За мой испугъ тебя накажутъ строго:
Больна я — и податлива на страхъ,
Угнетена я — и полна я страха,
Вдова я — и подвержена я страху,
Хоть скажешь ты, что пошутилъ со мной,
Души моей волненіе не уймется,
И я весь день дрожать не перестану.
Зачѣмъ ты такъ качаешь головой?
Зачѣмъ глядишь на сына такъ тоскливо?
Зачѣмъ ты руку положилъ на грудь?
Зачѣмъ слеза изъ глазъ твоихъ течетъ,
Изъ береговъ пролившейся, рѣкою?
Иль эти знаки грусти — подтвержденіе
Твоимъ словамъ? Что жъ ты не говоришь?
Не повторяй мнѣ повѣсти твоей,
Но лишь скажи, что повѣсть та правдива.

24

Салисбюри.

Правдива такъ, какъ лживы люди тѣ,
Изъ-за которыхъ ты должна мнѣ вѣрить.

Констанція.

О, чѣмъ учить меня, какъ вѣрить горю,
Устрой, чтобъ смерть мнѣ дало горе то!
Пусть жизнь и вѣра въ сердцѣ у меня
Сшибутся, какъ два бѣшеныхъ бойца,
Что падаютъ и жизнь кончаютъ вмѣстѣ.
Людовикъ въ бракъ вступаетъ съ лэди Бланкой!
Дитя мое, чтожъ станется съ тобою?
Французъ британцу руку подаетъ,
Миръ заключенъ: что ждетъ меня на свѣтѣ?

(Салисбюри).

Прочь, негодяй! твой видъ противенъ мнѣ!
Черезъ вѣсть твою ты сталъ уродомъ мерзкимъ!

Салисбюри.

Я виноватъ ли, добрая принцесса,
Что передалъ извѣстіе о злѣ,
Другими, но не мною совершенномъ?

Констанція.

Въ себѣ самомъ такъ гнусно это зло,
Что вѣстники его и злы, и гнусны.

Артуръ.

Мать милая, прошу тебя — утѣшься.

Констанція.

Когда бы ты, что слово утѣшенья
Несешь ко мнѣ, былъ гадокъ и свирѣпъ,
Постыденъ для утробы материнской,
Уродливыми пятнами покрытъ,
Горбать и хромъ, и глупъ, и безобразенъ,
Наростами и ранами испятнанъ,
На оскорбленіе чувству и глазамъ, —
Тогда бъ въ душѣ утѣшиться могла я
И быть спокойной: я бы не могла
Тебя любить, и самъ бы ты не стоилъ
Высокой крови и вѣнца царей.
Но ты прекрасенъ, мой ребенокъ милый!
Ты обреченъ судьбою и природой
Со дня рожденья на великій санъ;
Тебѣ дала природа красоту,
Которая и съ лиліей поспорить
И съ розой, распустившейся едва.
За то судьба измѣнчива къ тебѣ —

Безпутная, она тебѣ лгала:
Пошла на дѣло срама съ дядей Джономъ,
Француза подкупила — и французъ
Во прахѣ топчетъ право королей
И сводникомъ въ ихъ дѣлѣ срама служить.
Да, сводникомъ французскій сталъ король
Судьбѣ распутной и злодѣю Джону.
(Салисбюри).

Признайся самъ, не лжець ли твой французъ?
Облей его ругательствомъ, какъ ядомъ,
Иль прочь уйди — оставь меня одну
Съ тѣмъ горемъ тяжкимъ, что одна должна я
Принять на душу.

С а л и с б ю р и .

Не посмѣю я
Безъ васъ, принцесса, къ королю вернуться.

К о н с т а н ц і я .

Посмѣешь и пойдешь. Я не пойду!
Я скорбь свою быть гордой научу!
Тоска горда — и, кто скорбитъ, тотъ стоекъ.
Ко мнѣ теперь пусть идутъ короли
Склоняться предъ величьемъ тяжелой скорби!
Такъ велика та скорбь, что для нея
Одна земля служить подпорой можетъ:
Я на землѣ громадной, какъ на тронѣ,
Теперь сию со скорбію моею.
Скажи царямъ, чтобъ шли къ нему съ поклономъ!
(Падаетъ на землю).

*Входятъ король Джонъ, король Филиппъ, Людовикъ,
Бланка, Элеонора, Филиппъ Незаконнорожденный,
эрцгерцогъ австрійскій и свита.*

К о р о л ь Ф и л и п п ъ .

Дочь милая, права ты. Этотъ день
Для Франціи самой счастливый праздникъ.
Его хваля, и солнца свѣтлый ликъ
На небѣ медлитъ, какъ алхимикъ новый,
Покрѣпъ пытаясь золотомъ блестящимъ
Земли безплодной темную поверхность.
Пусть этотъ день, въ порядкѣ годовомъ,
Встрѣчаемъ мы всегда, какъ свѣтлый праздникъ.

К о н с т а н ц і я . (вставая).

Нѣтъ, не какъ праздникъ, а какъ день бѣды!
Чѣмъ свѣтелъ этотъ день? что сдѣлалъ онъ,

Чтобъ вписывать его въ мѣсяцесловъ
 На ликованье буквой золотою?
 Нѣтъ, лучше вырвать день тотъ изъ недѣли —
 День ложныхъ клятвъ, стыда и угнетенья!
 Но ежели останется тотъ день,
 Пусть женщины беременныя молятъ,

Чтобъ въ этотъ день рождать имъ не пришлось
 На горе и крушенье ихъ надеждамъ!
 Пускай морякъ страшится въ этотъ день
 И гибели, и бури; пусть никто
 Условій въ этотъ день не заключаетъ;
 Пусть гибнетъ все, что въ день тотъ начато,
 И вѣра обращается сама
 Въ обманъ постыдный!

Король Филиппъ.

Небомъ я клянуся,
 Констанція, не вижу я причины,
 За что тебѣ день этотъ проклинать!
 Иль не тебѣ я царственное слово
 Отдалъ въ залогъ?

Констанція.

Ты обмануль меня:
 Твое поддѣльно царственное слово,
 И пробы твой не выдержалъ залогъ!
 Клятвопреступникъ, ты обѣтъ нарушилъ,
 Ты поднялъ мечъ на недруговъ моихъ
 И тѣмъ мечомъ враговъ моихъ усилилъ.
 Охолодѣли въ вяломъ, пестромъ мирѣ
 И грозный ликъ твой, и призывъ войны —
 И вы сошлись намъ на угнетенье.
 Услышь мольбу вдовы, Отецъ небесный!
 О, разрази обманщиковъ-царей!
 Будь мужемъ мнѣ! пошли, чтобъ этотъ день
 Не кончился спокойно, чтобы къ ночи
 Въ оружіи явилась бы вражда
 Средь королей, свои поправшихъ клятвы!
 Господь, услышь, услышь меня!

Эрцгерцогъ австрійскій.

Принцесса,
 Довольно, успокойся.

Констанція.

Не покоя —

Войны мнѣ надо. Мой покой — война!
Стыдись, австріецъ, за свою добычу:
Въ крови добыча та, лиможскій графъ!
О, рабъ, злодѣй, убійца, трусь презрѣнный!
Въ бояхъ ты малъ — ты въ подлостяхъ великъ,
Силенъ ты съ тѣмъ, чья сторона сильнѣе,
Удачи рыцарь, ты на бой готовъ
Тогда лишь, какъ капризная богиня
Согласье дастъ тебя оберегать.
Ты власти льстецъ, клятвопреступникъ ты!
Не ты ли здѣсь, дуракъ низкопоклонный,
Кричалъ, ломался, клялся за меня?
Не ты ль, холопъ съ холодной рабской кровью,
Какъ громъ, слова здѣсь сыпалъ въ пользу нашу?
Не ты ли звался воиномъ моимъ?
Не ты ль просилъ, чтобъ ввѣрилася я
Твоей звѣздѣ, твоей судьбѣ и силѣ —
И, вслѣдъ за тѣмъ, отпалъ къ врагамъ моимъ?
И ты на латахъ носишь кожу льва!
Кинь прочь ее и поскорѣй на плечи
Себѣ телячью кожу навяжи.

Эрцгерцогъ австрійскій.
О, если бъ то посмѣлъ сказать мужчина!

Филиппъ Незаконнорожденный.
Скорѣй телячью кожу вздѣнь на плечи!

Эрцгерцогъ австрійскій.
Мерзавецъ, смѣй то слово повторить!

Филиппъ Незаконнорожденный.
Скорѣй телячью кожу вздѣнь на плечи!

Король Джонъ.
(Филиппу Незаконнорожденному).
Намъ это не по сердцу. Ты забылся.

Входитъ кардиналъ Пандольфъ.

Король Филиппъ.
Сюда идетъ святой легатъ отъ папы.

Пандольфъ.
Избранники, помазанники неба,
Привѣтъ мой вамъ! Съ священнымъ порученьемъ
Къ тебѣ, король британскій, я пришелъ
Отъ папы Иннокентія легатомъ.
Здѣсь, отъ лица пославшаго меня,
Я, кардиналъ прекраснаго Милана,

Пандольфъ, такой вопросъ тебѣ даю:
Какъ ты посмѣлъ итти со злобой лютой
На церковь, на святую нашу мать?
Какъ могъ не допускать ты въ Кентербери
Того Стефана Лангтона, что былъ
Епископомъ въ тотъ округъ нами избранъ?
Отъ имени отца святого папы
Я требую отвѣта отъ тебя.

Король Джонъ.
Иль есть слова на языкъ земномъ,
Которыми допрашивать ты можешь
Святую мысль и волю королей?
Нѣтъ, кардиналъ, вы съ папою своимъ
Не сыщете безумной, дерзкой рѣчи,
Что на отвѣтъ подвигнуть насъ могла бъ.
Снеси къ нему слова тѣ и въ добавокъ

27

Отъ Англіи еще такую рѣчь:
Ни дани брать, ни править въ нашихъ земляхъ
Не будетъ больше итальянскій попъ.
Какъ государь, я небу лишь подвластенъ —
И, волей неба, царственная власть,
Пока я царь, за мной однимъ на свѣтѣ,
Безъ помощи чужой отъ смертныхъ рукъ.
Скажи все это папѣ — кончилъ я
И съ нимъ, и съ незаконной папской властью!

Король Филиппъ.
Британскій братъ, ты оскорбляешь Бога!

Король Джонъ.
Пускай тебя и всѣхъ царей на свѣтѣ
Коварный попъ на привязи ведетъ!
Пускай онъ васъ проклятьемъ тѣмъ страшаетъ,
Что самъ же онъ за деньги сниметъ прочь!
Пускай за прахъ, за золото срамное
Берете вы прощеніе грѣховъ
Отъ смертнаго, что торгъ ведетъ прощеньемъ!
Пусть за обманъ и колдовство вы всѣ,
Ослѣпнувши, доходы въ дань несете:
Я здѣсь одинъ — одинъ иду на папу,
И тотъ мнѣ врагъ, кто дружбу съ нимъ ведетъ!

Пандольфъ.
Такъ будь же, въ силу власти, мнѣ врученной,
Ты проклять и отъ церкви отлучень!

И будетъ тотъ блаженъ, кто возмутится
Противу короля-еретика,
И та рука благословенна будетъ,
Причислена къ священнѣйшимъ мощамъ,
Которая открыто или тайно
Покончитъ жизнь зlodѣйскую твою!

Констанція.

О, праведно могу я, вмѣстѣ съ Римомъ,
Мои проклятья высказать! Отецъ
Мой, добрый кардиналъ, скажи «аминь»
Моимъ проклятыямъ жгучимъ: я одна
Съ моею скорбью праведна въ проклятыяхъ.

Пандольфъ.

Принцесса, за проклятія мои
Законъ и право.

Констанція.

За мои не тоже ль?

Когда законъ намъ правды не даетъ,
Онъ злу преграды полагать не вправѣ.
Вотъ здѣсь законъ дитяти моему
Не въ силахъ возвратить его владѣнній,
Затѣмъ что тѣхъ владѣнній похититель
Въ себѣ сосредоточилъ весь законъ;
Гдѣ самъ законъ есть полная неправда,
Не вправѣ онъ проклятіямъ мѣшать.

Пандольфъ.

Къ тебѣ я рѣчь держу, Филиппъ французскій!
Подъ страхомъ отлученія отъ церкви,
О, поспѣши свою отдернуть руку
Отъ той руки архи-еретика
И на него нагрянь съ французской ратью,
Коль передъ Римомъ не смирится онъ!

Королева Элеонора.

Король французскій, иль блѣднѣешь ты?
Не отнимай руки своей.

Констанція.

А, дьяволъ,

Въ смятеніи ты! Опомнися французъ,
Разъединитъ сцѣпившіяся руки —
И адъ души лишится.

Эрцгерцогъ австрійскій.

(королю Филиппу).

Государь,
Склонись на увѣщанья кардинала.

Филиппъ Незаконнорожденный.
И на плечи телячью кожу вздѣнь.

Эрцгерцогъ австрійскій.
Мерзавецъ, дерзость я твою сношу
Затѣмъ...

Филиппъ Незаконнорожденный.
Что взять ее въ карманъ спокойнѣй.

Король Джонъ.
Филиппъ, что скажешь кардиналу ты?

Констанція.
Онъ скажетъ то же, что и кардиналъ.

Людовикъ.
Отецъ, подумай, намъ теперь грозитъ
Иль тяжкое проклятіе изъ Рима,
Иль легкая потеря дружбы той,
Что насъ связала съ королемъ британскимъ.
Въ чемъ меньше зла?

Бланка.
Въ проклятіи папскомъ меньше.

28

Констанція.
Будь твердъ, Людовикъ: дьяволъ предъ тобой
Въ прекрасномъ образѣ твоей жены.

Бланка.
Изъ выгоды Констанція желаетъ
Насъ разлучить: нѣтъ правды въ рѣчи той.

Констанція.
Да, ты права: когда погибла правда,
Изъ выгоды должна я говорить.
Пусть правда та опять для насъ воскреснетъ,
И я сама отъ выгодъ отступлюсь.

Король Джонъ.
Король не отвѣчаетъ: тронутъ онъ.

Констанція. *королю Филиппу*.
О, брось его — и отвѣчай, какъ должно.

Эрцгерцогъ австрійскій. *(ему же)*.
Король Филиппъ, не медли же отвѣтомъ,
Не налагай сомнѣнья на себя.

Филиппъ Незаконнорожденный.
А лучше, плуть, надѣнь телячью кожу.

Король Филиппъ.
Что я скажу? въ волненьи разумъ мой!

Пандольфъ.
Или проклятье, съ отлученьемъ вмѣстѣ,
Твое волненье могутъ прекратить?

Король Филиппъ.
Святой отецъ, будь мной хотя на время
И разсуди, что сталъ бы дѣлать ты.
Съ моей рукой та царская рука
Едва соединилась. Души наши
Совокупились полнымъ, тѣснымъ миромъ,
Слились въ обѣтахъ сильныхъ и святыхъ.
Замолкли чуть послѣднія слова
Любви и дружбы, теплыхъ обѣщаній,
Горячихъ клятвъ на преданность другъ другу,
На вѣчный миръ обоихъ королевствъ.
Предъ радостнымъ и небывалымъ миромъ,
Передъ пожатьемъ царскихъ нашихъ рукъ
Мы руки тѣ едва омыть успѣли —
А знаетъ Богъ, какъ были наши руки
Исписаны убійства страшной кистью,
Какъ пятнами на нихъ сказалось мщенье
И брань царей, подвигнутыхъ на гнѣвъ —
И что жъ? Едва омытыя отъ крови,
Едва соединенныя въ любви —
Ужель опять разнять намъ руки эти
И сильныхъ рукъ расторгнуть вновь союзъ?
Играть обѣтомъ, Небо оскорбляя,
И превратиться въ вѣтреныхъ дѣтей,
Надъ дружескимъ пожатьемъ насмѣявшись,
Поправши клятвы, а на брачномъ ложѣ,
Гдѣ, улыбаясь, тихо дремлетъ миръ,
Поднять борьбу кровавую, и шумной,
Постыдной схваткой тутъ же обезчестить
Взаимной ласки кроткое чело?
О, мужъ святой, прелать достопочтенный,
Такому дѣлу не свершиться ввѣкъ!
Умилосердись — изыщи, скажи
Другое, меньше строгое рѣшенье —
И волю ту исполню тутъ же я,
Не измѣняя дружескимъ обѣтамъ.

Пандольфъ.

Не можетъ быть ни воли, ни рѣшенья,
Пока съ британцемъ въ мирѣ ты живешь.
Къ оружію! Иль будь бойцомъ за церковь,
Иль церковь, наша мать, на злого сына
Проклятьемъ материнскимъ загремить!
Король французскій, ты скорѣ сдержишь
Змѣю за жало, льва за лапу смерти,
За челюсти голодную тигрицу,
Но той руки, что съ лаской ты сжимаешь,
Не удержать, не удержать тебѣ.

Король Филиппъ.

Рука моя — въ присягѣ я не властенъ.

Пандольфъ.

Такъ съ вѣрою на вѣру ты идешь;
Какъ бунтовщикъ, съ присягой на присягу
И съ языкомъ на собственный языкъ.
Передъ лицомъ небесъ не ты ли клялся
Для церкви быть защитникомъ, бойцомъ?
Такъ выполни же прежде клятву эту!
Противъ той клятвы всѣ обѣты — ложь;
Ихъ свято чтить противъ себя ты клялся,
Но тяжкій грѣхъ — правдиво выполнять
Неправедно свершенную присягу,
И ложный путь бываетъ во спасенье
Заблудшимся, затѣмъ что, не блуждая,
На путь прямой имъ вытти вновь нельзя!
Ложь гонить ложь, и въ жилахъ воспаленныхъ
Огонь смягчаетъ пламенный недугъ.
Не вѣра ли велитъ хранить присягу?
Но противъ вѣры смѣлъ ты присягать,
И то, чѣмъ ты осмѣлился поклясться,
Присягѣ всей во всемъ противорѣчить;
Тебя жъ, безумца, прямо привлекло
На новый грѣхъ, на клятвопреступленье.
Врагъ первымъ клятвамъ — твой обѣтъ послѣдній:
Противъ себя ты поднялъ знамя бунта;
Побѣдой лучшей будетъ для тебя

Коль доблестно и твердо ты возстанешь
Противу мелкихъ, вредныхъ помышлений,
О чемъ теперь мои мольбы къ тебѣ.
Исполни жъ ихъ; а если нѣтъ, то знай,
Что на тебя падеть проклятье наше

И тяжести не сбросишь ты, а самъ
Въ отчаяннѣ умрешь подѣ тяжкой ношей.

Эрцгерцогъ австрійскій.
Бунтъ, бунтъ жестокій!

Филиппъ Незаконнорожденный.
Будто будетъ бунтъ?
Заткни же глотку хоть телячьей шкурой.

Людовикъ.
Къ оружію, отецъ!

Бланка.
Въ твой брачный день?
На кровь, съ которой ты навѣки связанъ?

30

Или нашъ пиръ изъ мертвыхъ будетъ тѣль?
Иль брачною намъ музыкою грянуть,
Въ смѣшеннѣ адскомъ, дикій звукъ трубы
И громкій грохотъ мрачныхъ барабановъ?
Супругъ, постой! О, горе мнѣ! Какъ ново
Въ моихъ устахъ то имя — «мой супругъ»!
Хотя для имени, что мой языкъ
Впервые предъ тобою произносить —
Остановись! прошу я на колѣняхъ.
Не нападай на дядю моего!

Констанція.
И я тебя молю, склонивъ колѣни,
Что затвердѣли отъ склоненій частыхъ:
Дофинъ великій, противъ приговора
Небеснаго не думай возставать!

Бланка.
Любовь твою теперь узнаю я:
Иль не сильна мольба жены любимой?

Констанція.
Нѣтъ, чести голосъ той мольбы сильнѣй,
Той чести, что свята для васъ обоихъ!
Про честь, про честь не забывай, Людовикъ!

Людовикъ. (*королю Филиппу*).
Мой государь, какъ можешь ты встрѣчать
Такъ холодно святыя убѣжденья?

Пандольфъ.
Пора его проклятьемъ поразить!

Король Филиппъ.

Въ томъ нѣтъ нужды. Британскій государь,
Я врагъ тебѣ — нѣтъ мира между нами!

Констанція.

Вернулось вновь величіе твое!

Элеонора.

О, шаткость безобразная француза!

Король Джонъ.

Французъ, ты горько часъ оплачешь этотъ!

Бланка.

Залито кровью солнце! День померкнулъ!
Къ чьей сторонѣ склониться я ложна?
Мнѣ обѣ дороги: бойцамъ обоимъ
Съ душой я обѣ руки отдала —
И съ бѣшенствомъ, отпавши другъ отъ друга,
Они меня на части разорвутъ.
Супругъ, могу ль я за тебя молиться,
Должна ли дядѣ я желать побѣды,
Иль звать успѣхъ къ отцовскимъ знаменамъ,
Иль съ бабкою имѣть одни желанья?
Другимъ побѣда — мнѣ бѣда одна
И до борьбы вѣрна за мной погибель.

Людовикъ.

Жена, во мнѣ судьба твоя живетъ.

Бланка.

Въ тебѣ судьба, но жизнь моя съ другими.

Король Джонъ.

Кузень, иди и строй мои войска.
(*Филиппъ Незаконнорожденный уходитъ*).
Французъ, я гнѣвомъ пламеннымъ исполненъ
И жаръ души разгнѣванной моей
Одною кровью утолить могу,
Французской кровью, лучшей и знатнѣйшей.

Король Филиппъ.

Самъ первый ты отъ бѣшенства сгоришь,
И гнѣвъ твой не зальется нашей кровью.
О, берегись и жди себѣ бѣды!

Король Джонъ.

Не больше той, какая ждетъ тебя.
Къ оружію! Скорѣй идемъ на бой!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Поле близъ Анжера.

Тревога. Сраженіе.

*Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный,
съ головою эрцгерцога австрійскаго.*

Филиппъ Незаконнорожденный.
Клянуся жизнью, день ужъ слишкомъ жарокъ!
На облакахъ навѣрное засѣлъ
Какой-нибудь воздушный бѣсъ и сыплеть
Оттуда гибель. Голову австрійца
Положимъ здѣсь, покуда живъ Филиппъ.
Входятъ король Джонъ, Артуръ и Губертъ.

Король Джонъ.

Губертъ, гляди за мальчикомъ. Филиппъ,
Бѣги: въ палату матери ворвались
Враги и чуть ли не взяли ее.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Я, государь, ужъ выручилъ ее!
Не бойтесь: безопасна королева.
Идемте въ бой! Усилье небольшое —
И счастливо окончится нашъ трудъ.
(Уходитъ).

31

СЦЕНА III.

Тамъ же.

Тревога. Сраженіе. Отступленье.

*Входятъ король Джонъ, Элеонора, Артуръ,
Филиппъ Незаконнорожденный, Губертъ и лорды.*

Король Джонъ.

Пусть будетъ такъ.

(Элеоноръ). Ты, королева, станешь

У насъ въ тылу съ надежной, сильной стражей.

(Артуру).

Кузень, зачѣмъ грустить? Ты бабкѣ дорогъ,
И дядя твой тебя полюбитъ такъ,
Какъ своему отцу ты былъ любезень.

Артуръ.

О, это мать мою убьетъ тоскою!

Король Джонъ. (*Филиппу*).
Кузень, не медли жъ — въ Англію лети
И растряси предъ нашимъ возвращеньемъ
Скупыхъ аббатовъ толстые мѣшки,
Изъ нихъ на волю выпустя червонцы.
Пора тому, кто въ мирѣ разжирѣлъ,
Кормить бойцовъ голодныхъ. Порученье
Ты выполни со строгостію всей.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Ни книгами, ни звономъ, ни свѣчами
Отъ тѣхъ мѣшковъ меня не отобьютъ.
Привѣтъ мой государю! Королева,
Когда попасть въ святыя я успѣю,
То я за васъ усердно помолюсь.
Цѣлую ваши руки.

Королева Элеонора.
До свиданья,
Кузень мой добрый!

Король Джонъ.
Съ Богомъ, мой кузень!
(*Филиппъ Незаконнорожденный уходитъ*).

Королева Элеонора. (*Артуру*).
Поди ко мнѣ, внукъ милый — на два слова.
(*Отводитъ Артура въ сторону*).

Король Джонъ.
Поди сюда, мой Губертъ добрый.
Тебѣ обязанъ я. Здѣсь, въ тѣлѣ этомъ,
Живетъ душа, которая тебя
Зоветъ всегда своимъ заимодавцемъ
И выплатить весь долгъ любви твоей.
Да, добрый другъ мой, преданность твою
Душа моя сокровищемъ считаетъ.
Дай руку мнѣ. Есть дѣло до тебя;
Но про него скажу въ другое время.
Клянуся Богомъ, Губертъ, даже стыдно
Признаться въ томъ, какъ я тебя цѣню!

Губертъ.
За честь благодарю васъ, государь.

Король Джонъ.
Мой добрый другъ, покуда нѣтъ причины
Благодарить меня; но день придетъ —

Хоть тянется медлительное время —
Когда и я взыщу тебя добромъ.
Вотъ что сказать хочу я. Нѣтъ, не нужно!
На небѣ солнце свѣтитъ; гордый день,
Сіяющій всей прелестью мірскою,
Такъ полонъ искушенія и блеска,
Что говоритъ нѣтъ силы. Если бѣ здѣсь
Желѣзнымъ языкомъ и мѣдной пастью
Ко сну позвалъ насъ колоколъ полночный,
Иль если бѣ на кладбищѣ я стоялъ
Съ тобою, полнымъ горя и обиды,
Которая бѣ тоску тебѣ внушала
И въ жилахъ бы сгущала кровь твою, -
Тогда бѣ я могъ заговорить. Но нѣтъ:
Въ тебѣ ключомъ играетъ кровь живая,
Что весело горитъ въ людскихъ глазахъ
И щеки ихъ колышетъ глупымъ смѣхомъ,
Такъ гибельнымъ для помысловъ моихъ.
Когда бѣ меня безъ глазъ ты видѣть могъ,
Безъ слуха — слышать и безъ языка
Отвѣтъ мнѣ дать единымъ помышленьемъ.
Безъ глазъ, ушей, безъ вредныхъ словъ и звука —
Тогда, пожалуй, и при свѣтѣ дня
Я бѣ мысль свою тебѣ на душу пролилъ.
Нѣтъ, не могу, хоть и люблю тебя,
Хоть и тебѣ я, кажется, любезенъ.

Губертъ.

Любезенъ такъ, что если ты прикажешь
Итти на смерть для выгоды твоей —
Я все исполню: небо мой свидѣтель.

Король Джонъ.

Исполнишь все? Я это знаю, Губертъ.
Мой Губертъ, добрый Губертъ, кинь свой взглядъ
На этого ребенка; вѣрный другъ мой,
Скажу тебѣ, ребенокъ тотъ — змѣя:
Гдѣ бѣ на пути я ногу ни поставилъ,
Вездѣ онъ змѣемъ ляжетъ предо мной.
Ты понялъ ли меня? Вѣдь, ты къ нему
Приставленъ стражемъ?

Губертъ.

И стеречь я стану
Такъ, что бѣды онъ вамъ не принесетъ.

Король Джонъ.

Смерть!

Губертъ.
Государь?

Король Джонъ.
Могила.

Губертъ.

Онъ умереть.

Король Джонъ.
Молчи. Довольно. Веселья теперь.
Тебя люблю я, Губертъ. Хотя пока
Награды для тебя не называю,
Но помни. Королевъ мой привѣтъ.
Я къ вамъ войска мои сейчасъ отправлю.

Элеонора.
Благослови Господь тебя!

Король Джонъ. *Артуру*).
Племянникъ,
Ты ѣдешь въ Англію, съ тобою Губертъ:
Ты въ немъ найдешь усерднаго слугу.
Теперь и мы въ Калэ. Скорѣй въ дорогу.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Палатка французскаго короля.

Входятъ король Филиппъ, Людовикъ,
Пандольфъ и свита.

Король Филиппъ.
Итакъ, ревущей бурей въ океанъ
Раскиданъ и разсѣянъ безнадежно
Согласный флотъ спопутныхъ кораблей.

Пандольфъ.
Мужайся же. Все кончится добромъ!

Король Филиппъ.
Не быть добру, гдѣ было бѣгство злое!
Иль нашъ Анжеръ? иль не разбиты мы?
Артуръ не взять, друзья не пали наши,
И не ушелъ кровавый англичанинъ
Къ себѣ домой, француза не страшась?

Людовикъ.

Онъ укрѣпилъ отнятыя владѣнья:
Уходъ свой быстрый онъ прикрылъ разумно.
Онъ сохранилъ въ борьбѣ ожесточенной
Спокойствіе — и сталъ его походъ
Неслыханнымъ и безпримѣрнымъ чудомъ.

Король Филиппъ.
Мнѣ не горька твоя хвала британцу:
Черезъ нее нашъ срамъ не такъ тяжелъ.

33

Входитъ Констанція.

Король Филиппъ.
Смотри, кто къ намъ идетъ. Могила скрыта
Въ душѣ ея, но вѣчный духъ живетъ,
Противъ ея желанія и воли,
Въ темницѣ тяжелой горестнаго тѣла.
Констанція, молю, уйдемъ отсюда.

Констанція.
Гляди теперь, къ чему твой миръ привель?

Король Филиппъ.
О, успокойся, добрая принцесса!
Вооружись терпѣньемъ!

Констанція.
Мнѣ не надо
Твоихъ совѣтовъ и успокоеній;
Въ *одно* успокоенье вѣрю я —
Мнѣ нужно то, что рушитъ всѣ совѣты:
Смерть, смерть нужна мнѣ. Радостная смерть!
Твой сладокъ смрадъ, твое гніеніе вѣчно!
Ты счастьемъ ненавистна и страшна!
О, встань скорѣй съ постели вѣчной ночи —
И къ гнуснымъ я костямъ прильну губами,
Мои глаза въ твой черепъ я вложу,
Увью персты могильными червями,
Мое дыханье прахомъ затушу,
И чудищемъ истлѣвшимъ въ гробъ я лягу
Такимъ, какъ ты сама! Иди жъ ко мнѣ!
Твой дикій смѣхъ улыбкою мнѣ будетъ.
Я, какъ жена, возьму тебя въ объятія.
Не медли же, утѣха всѣхъ страдальцевъ:
Иди ко мнѣ!

Король Филиппъ.
Страдалица моя,

Констанція.

Нѣтъ, нѣтъ, не замолчу я,
Пока дыханье есть для слезъ и стоновъ!
О, если бъ громомъ голосъ мой грѣмелъ,
Я потрясла бы міръ моимъ рыданьемъ;
Я подняла бъ отъ сна ту злую смерть,
Что не спѣшитъ на женскій слабый голосъ
И тѣшится отчаянной мольбою!

Пандольфъ.

Принцесса, то безумье, а не скорбь!

Констанція.

Твой санъ святой въ твоей не видень рѣчи.
Я не безумна: волоса вотъ эти
Я рву съ своей несчастной головы.
Зовутъ меня Констанціей; Готфриду
Была женою я; Артуръ — мой сынъ,
Артуръ — мой сынъ, и я его лишилась!
Я не безумна. О, пошли Господь,
Чтобъ я была безумна въ самомъ дѣлѣ!
Тогда бъ себя скорѣй забыла я
И всѣ свои безмѣрные страданья.
Лиши меня разсудка, кардиналь —
И будешь ты за то къ святымъ причислень.
Я не безумна, горе помню я,
И разумъ мой, изыскивая средства
Меня избавить отъ тоски жестокой,
Ведетъ меня къ самоубійству, къ петлѣ.
Съ безуміемъ — забыла бъ сына я
Иль видѣла бъ его во всякой куклѣ.
Я не безумна: слишкомъ, слишкомъ больно
Я чувствую страданья каждой язвы.

(Рветъ на себѣ волосы).

Король Филиппъ.

Закрой свои ты косы. Какъ сказалась
Ея любовь въ кудряхъ ея роскошныхъ!
Тамъ, гдѣ запало каплей серебро,
Къ той сѣдинѣ прижались въ общемъ горѣ
Безчисленными прядями друзья,
Подобно душамъ, преданнымъ и вѣрнымъ,
Сцѣпившимся навѣки въ общей скорби.

Констанція.

О, въ Англію! скорѣй!

Король Филиппъ.

Закрой же прежде

Ты волоса себѣ.

Констанція.

Я ихъ закрою,

Я ихъ свяжу охотно. Волоса

На головѣ рвала я и кричала:

«О, еслибъ бѣ сына мнѣ освободить,

Какъ волоса пускаю я на волю!»

Теперь ихъ воля тяготитъ меня:

Я ихъ свяжу, я ихъ отъ всѣхъ прикрою,

Затѣмъ что въ узахъ бѣдный мой ребенокъ.

(Кардиналу).

Отецъ святой, ты говорилъ не разъ,

Что близкихъ намъ узнаемъ мы на небѣ.

То правда ли? увижусь ли я съ сыномъ?

Прекраснѣе ребенка не бывало

Отъ Каина, что первымъ былъ младенцемъ,

До тѣхъ дѣтей, что родились вчера.

И что жъ? Червь скорби сгложетъ мой цвѣтокъ,

Прогонитъ съ щекъ плѣнительную прелесть —

И будетъ сынъ мой мертвеца блѣднѣе

И худъ, и слабъ, какъ послѣ лихорадки —

И такъ умретъ онъ; и когда воскреснетъ,

Когда сойдемся мы на небесахъ —

Его я не узнаю. Вѣчно, вѣчно

Мнѣ милаго ребенка не видать!

Пандольфъ.

Великій грѣхъ служить безмѣрно скорби.

Констанція.

О, вижу я, ты сына не имѣлъ!

Король Филиппъ.

Ты къ скорби привязалась, будто къ сыну.

Констанція.

Да, мѣсто сына скорбь моя взяла:

Дитятею лежитъ въ его постелѣ,

Со мною ходитъ, говоритъ какъ онъ,

Въ лицо глядитъ мнѣ свѣтлымъ дѣтскимъ взглядомъ,

На мысль приводитъ милыя движенія

И крадется въ его пустое платье —

И платье то глядитъ моимъ ребенкомъ!

Вотъ почему я такъ отдалась скорби.
Прощайте! Если бѣ равная моей
Потеря васъ обоихъ поразила,
Я бѣ утѣшать умѣла лучше васъ.
(Срываетъ свой головной уборъ).
Долой повязки! Мнѣ уборъ не нуженъ,
Когда мой разумъ меркнетъ въ головѣ.
Господь! Мой сынъ! Артуръ, ребенокъ милый!
Мой хлѣбъ, мой день, мой мальчикъ — весь мой міръ!
Вдовицы радость и скорбямъ утѣха!
(Уходитъ).

Король Филиппъ.
Пойду за ней, чтобъ не было бѣды.
(Уходитъ).

35

Людовикъ.
И для меня нѣтъ счастья въ этомъ мірѣ,
И жизнь такъ утомительно скучна,
Какъ два раза рассказанная сказка,
Досадная ушамъ передъ дремотой.
Всю сладость свѣта горькій стыдъ сгубилъ,
Оставивъ мнѣ одинъ позоръ и горечь.

Пандольфъ.
Предъ исцѣленьемъ тяжкаго недуга,
При самомъ возрожденіи жизни силъ —
Припадокъ злѣй, затѣмъ что злость болѣзни
Передъ уходомъ взять свое должна.
Что потерялъ ты, проигравъ сраженіе?

Людовикъ.
И счастье, и славу цѣлой жизни.

Пандольфъ.
Съ побѣдою лишился бѣ ты всего!
Когда судьба готовитъ благо смертнымъ,
Суровѣе глядитъ на нихъ она.
Хоть мысль странна, но нѣту въ томъ сомнѣнья,
Что Джонъ британскій, средь удачъ своихъ,
Не зная самъ, во всемъ понесъ потерю.
Артуръ въ плѣну — тоскуешь ты о томъ?

Людовикъ.
Такъ горячо, какъ радъ британецъ плѣну.

Пандольфъ.
Да, юнъ твой умъ, какъ кровь твоя юна.

Склони жъ твой слухъ къ пророческому слову
И помни, что дано моимъ словамъ,
Какъ вихрю, до соломенки послѣдней,
Весь прахъ и соръ смести съ дороги той,
Что подъ твоею стелется стопою
Къ подножію британскаго престола.
Такъ слушай же. Увезъ Артура Джонъ,
Но вѣрно, что пока младая кровь
Играетъ въ жилахъ этого ребенка,
Не будетъ знать престола похититель
Ни часа, ни мгновенія покоя.
Тотъ скиптръ, что взять невѣрною рукой,
Держаться въ ней не можетъ безъ усилій,
А кто стоитъ средъ скользкаго пути,
Тому красна и гнусная опора.
Чтобъ Джонъ не палъ, Артуру пасть должно;
И будетъ такъ — и нѣтъ пути другого.

Л ю д о в и к ъ .

Чего жъ мнѣ ждать отъ гибели Артура?

П а н д о л ь ф ъ .

Какъ лэди Бланки мужъ, предъявишь ты
То право, что считалось за Артуромъ.

Л ю д о в и к ъ .

Чтобъ, какъ Артуръ, погибнуть вмѣстѣ съ правомъ!

П а н д о л ь ф ъ .

Какъ молодъ ты, какъ новъ ты въ свѣтѣ дряхломъ!
Пусть Джонъ хитритъ — тебѣ помощникъ время:
Кто долженъ кровь въ свою защиту лить,
Того покой кровавый ненадеженъ.
Убивъ ребенка, этимъ дѣломъ зла
Онъ охладитъ сердца въ своемъ народѣ
И преданность подвластныхъ остудитъ.
Пусть выступитъ малѣйшій изъ враговъ
На короля — народу милъ онъ будетъ,
И всякое небесное явленье,
И каждый бурный день, и вихоръ сильный,
Игра природы, небывалый случай —
Все будетъ истолковано людьми,
Какъ знаки Неба; чудо, метеоръ —
Какъ божій голосъ, вызовъ, предсказанье,
Пророчащее Джону злую месть.

Л ю д о в и к ъ .

Но, можетъ быть, не сгубитъ онъ Артура:

Въ темницѣ онъ не страшенъ королю.

П а н д о л ь ф ѣ .

О, принцъ, коли ребенокъ не погибъ,
То вѣсть о томъ, что ты идешь на Джона,
Рѣшить убійство; и тогда сердца
Его народа отъ него отпрянуть,
Лобзаній перемѣны захотятъ —
И дасть предлогъ на гнѣвное возстанье
Кровавая рука ихъ государя.
Мнѣ кажется, я вижу чернь въ возстаньи!
Я все сказалъ — и не видать тебѣ
Удобнѣйшаго случая. Безстыдный
И незаконный родомъ Фальконбриджъ
Въ Британію ушелъ, чтобъ церкви грабить
И вѣру оскорблять. О, если бъ тамъ
Явилась дюжина бойцовъ французскихъ,
На зовъ ихъ десять тысячъ англичанъ
Примкнуло бъ къ нимъ и стало подъ знамена.
Такъ снѣга комъ, катясь по крутизнѣ,
Становится горой! Дофинъ безстрашный,
Отыщемъ короля. Подумать чудно
О томъ, какъ много выгодъ намъ дадутъ
Сердца народа, полного обидой.
Всѣ въ Англію! Склоню я короля.

Л ю д о в и к ѣ .

Гдѣ мысль сильна — тамъ дѣло полно силы.
Идемъ. Съ тобой король не станетъ спорить.
(Уходятъ).

36

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Нортгэмптонъ. Комната въ замкѣ.

Входятъ Губертъ и двое прислужниковъ.

Г у б е р т ѣ .

Желѣзо раскали, и самъ ты стань
Здѣсь, за ковромъ: когда ногою въ землю
Ударю я, ты выйдешь и привяжешь
Покрѣпче къ стулу мальчика, который
Со мною будетъ. Помни жъ — не зѣвать!

1 - й п р и с л у ж н и к ѣ .

А есть у васъ приказъ на это дѣло?

Губертъ.

Сомнѣнье недостойное! не бойся —
Вотъ мой приказъ. (*Прислужники уходятъ*).

Входитъ Артуръ.

Губертъ.

Поди ко мнѣ, дитя:
Мнѣ надобно поговорить съ тобою.

Артуръ.

День добрый, Губертъ.

Губертъ.

И тебѣ день добрый,
Малютка-принцъ.

Артуръ.

Да, точно я малютка,
Хоть, по правамъ, побольше я могъ быть.
Ты что-то скученъ, Губертъ.

Губертъ.

Это правда.
Я веселѣй когда-то былъ.

37

Артуръ.

О, Боже!

Грустнѣй меня едва ли можно быть,
А между тѣмъ во Франціи, я помню,
Изъ прихоти, казалась молодежи
Грустнѣе ночи. Если бъ могъ теперь я
Тюрьму оставить и стеречь овецъ,
Клянусь душой, я бъ цѣлый день рѣзвился!
И здѣсь мнѣ было бъ весело; но я
Боюсь, что дядя мнѣ бѣду готовить.
Его страшусь я, онъ меня страшится:
Моя ль вина, что сынъ Готфрида я?
Я въ этомъ правъ. О, если бъ небеса
Меня на свѣтъ твоимъ родили сыномъ,
Меня бъ любилъ ты, Губертъ!

Губертъ. (*въ сторону*).

Нѣтъ силы

Съ нимъ говорить. Его невинный лепетъ
Разбудить жалость, спящую во мнѣ.
Что медлить! Поскорѣ кончу дѣло!

А р т у р ь .
Ты боленъ, Губертъ? Блѣденъ ты сегодня
Ну, пусть немного похвораешь ты,
Чтобъ могъ я ночью просидѣть съ тобою.
По совѣсти, тебя люблю я больше,
Чѣмъ ты меня.

Г у б е р т ь . *(въ сторону).*
Мнѣ падаютъ на сердце
Слова его. *(Подаетъ ему бумагу).*
Мой маленькій Артуръ.
Прочти бумагу эту.

(Въ сторону). Какъ! я плачу?
О, глупая вода, ты гонишь прочь
Всѣ помыслы мои о пыткѣ лютой!
Помедлю я — и выльется вся твердость
Изъ глазъ моихъ съ потокомъ женскихъ слезъ.
(Артуру).
Прочелъ ты? или почеркъ не хорошъ?

А р т у р ь .
Нѣтъ, слишкомъ онъ хорошъ для вѣсти гнусной.
Какъ? долженъ ты желѣзомъ раскаленнымъ
Мнѣ выжечь оба глаза?

Г у б е р т ь .
Да, дитя.

А р т у р ь .
И ты исполнишь это?

Г у б е р т ь .
Все исполню.

А р т у р ь .
И сможешь ты? Я помню, какъ недавно
Ты головою болью занемогъ,
Я обвязалъ тебѣ виски платкомъ —
Изъ всѣхъ платковъ моихъ едва ль не лучшимъ:
Принцессою былъ вышитъ тотъ платокъ —
И отъ тебя назадъ его не взялъ я.
На головѣ твоей держалъ я руку
До полночи, какъ маятникъ усердный,
Глухую ночь тебѣ развеселяя;
И спрашивалъ я: лучше ли тебѣ?
Не надо ли чего? и чѣмъ ты боленъ?
И чѣмъ тебѣ я могъ бы услужить?
Сынъ бѣдняка иной лежалъ бы смирно,

Словъ ласковыхъ не говоря тебѣ,
Но принцъ тебя покоилъ въ часъ недуга.
Ты, можетъ быть, мнѣ скажешь, что хитрилъ я,
Что я къ тебѣ изъ выгоды ласкался?
Какъ знаешь. Если небомъ рѣшено,
Что сгубишь ты меня — пусть такъ и будетъ.
Ужель ты глазъ меня лишить посмѣешь,
Тѣхъ глазъ, что на тебя глядѣть не въ силахъ
Суровымъ взглядомъ?

Губертъ.

Даль я клятву въ томъ —
И выжгу ихъ желѣзомъ раскаленнымъ.

Артуръ.

Лишь въ нашъ желѣзный вѣкъ найдутся люди
Для дѣлъ такихъ. И самое желѣзо,
И раскалясь, и покраснѣвъ въ огнѣ,
Къ глазамъ моимъ приблизясь, выльетъ слезы,
И отойдетъ, признавъ мою невинность,
А ржавчина его, какъ совѣсть, сложетъ
За тотъ огонь, что жегъ мои глаза.
Ужели ты безчувственнѣе стали?
Нѣтъ, если бѣ ангелъ здѣсь мнѣ объявилъ,
Что Губертъ ослѣпитъ меня желаетъ,
Я Губерту бы вѣрилъ — не ему.

Губертъ. (*топаетъ ногой*).

Сюда!

Входятъ прислужники съ желѣзомъ, веревками и прочимъ.

Губертъ.

Скорѣй исполнить, что велѣлъ я.

Артуръ.

О, сжался, Губертъ! я лишень ужъ зрѣнья
Отъ дикихъ взглядовъ этихъ кровопійцъ.

Губертъ.

Подать желѣзо и связать ребенка!

Артуръ.

О, горе мнѣ! — зачѣмъ грозишься ты?
Бороться я не стану. Будто камень,
Стоять я буду. Губертъ, ради Бога,
Не надобно вязать меня. Послушай,
Мой Губертъ: отошли своихъ людей —
И, какъ ягненокъ, буду смиренъ я:

Не шевельнусь, не дрогну и не вскрикну,
Я на желѣзо мрачно не взгляну;
Пошли ихъ прочь — и все тебѣ прощу я,
Какъ ты ни мучь и ни пытай меня.

Губертъ. (*прислужникамъ*).
Идите прочь: я съ нимъ одинъ останусь.

1-й прислужникъ.
Я радъ, что мнѣ не быть при дѣлѣ этомъ.
(*Прислужники уходятъ*).

Артуръ.
Бѣда: прогналъ я друга отъ себя!
Онъ взглядомъ дикъ, но жалостливъ по сердцу.
Верни его — пусть жалостью своей
Твою пробудить онъ.

Губертъ.
Дитя, готовься.

Артуръ.
Иль нѣтъ надежды?

Губертъ.
Нѣтъ, ослѣпишься ты!

Артуръ.
О, Боже! если бъ у тебя въ глазу
Теперь была пылинка или мошка,
Зерно, песчинка или волосокъ
Мученьемъ для безцѣннѣйшаго чувства!
На мелочахъ страданье бъ понялъ ты —
И передъ дѣломъ гнуснымъ ужаснулся.

Губертъ.
Ты это ли мнѣ обѣщаль? Молчи!

Артуръ.
О, Губертъ, для обоихъ глазъ моихъ
Два языка мнѣ надобны въ защиту:
Не говори, чтобъ я молчалъ. Нѣтъ, нѣтъ!
Иль лучше, Губертъ, вырѣжь мнѣ языкъ,
Но пощади глаза. О, Губертъ, Губертъ,
Спаси глаза мои, хотя бъ затѣмъ,
Чтобъ на тебя глядѣть мнѣ было можно!
Гляди, твое желѣзо ужъ остыло,
Чтобъ мнѣ не дѣлать зла.

Губертъ.
Я раскалю

Желѣзо это.

Артуръ.

Нѣтъ, клянуся Небомъ!

И самъ огонь отъ ужаса угасть!

Намъ данъ огонь на радость: онъ не хочетъ

Итти на злое дѣло. Видишь самъ,

Вотъ въ этомъ углѣ нѣтъ горячей злобы:

Въ немъ Господомъ погашенъ лютый гнѣвъ

И пепломъ покаянья онъ осыпанъ.

Губертъ.

Но дуну я — и вспыхнетъ уголь тотъ.

Артуръ.

И вспыхнетъ уголь краскою стыда,

И за тебя онъ, Губертъ, покраснѣетъ.

Иль искры броситъ онъ тебѣ въ глаза.

Такъ господина своего грызетъ

Собака, подстрекаемая къ бою.

Все, что на муку мнѣ готовилъ ты,

Тебѣ служить не хочетъ; ты одинъ

Скупѣй на жалость, чѣмъ огонь съ желѣзомъ,

Привычные къ безжалостнымъ дѣламъ.

Губертъ.

Пусть будетъ такъ. Я глазъ твоихъ не трону

За всѣ богатства дяди твоего,

Хоть клялся я, дитя, желѣзомъ этимъ

Ихъ выжечь и готовился къ тому.

Артуръ.

О, Губертомъ ты сдѣлался опять!

Я узнаю тебя.

Губертъ.

Молчи. Довольно.

Прощай. Скажу я дядѣ твоему,

Что ты погибъ. Доносчиковъ поганныхъ

Я ложной вѣстью отведу покуда.

Усни безъ страха, милое дитя,

И помни, что за всѣ богатства въ мірѣ

Тебя не тронетъ Губертъ.

Артуръ.

Боже мой!

Благодарю тебя, мой Губертъ!

Губертъ.

Полно!

Молчи! Ступай за мной. Изъ-за тебя
Опасности большой я подвергаюсь.
(Уходятъ).

40

СЦЕНА II.

Тамъ же. Тронная зала во дворцѣ.

*Входятъ король Джонъ въ коронѣ, Пэмброкъ,
Салисбюри и другіе лорды. Король садится на тронъ.*

Король Джонъ.

Опять мы здѣсь, опять на насъ корона,
И я надѣюсь — радостныя очи
Глядятъ на насъ.

Пэмброкъ.

Твоя священна воля;

Но, государь, обрядъ коронованья
Напрасно ты задумалъ повторить:
Ты былъ ужъ коронованъ. Царской власти
Изъ рукъ твоихъ никто не вырывалъ,
Народъ твой не пятнался злобнымъ бунтомъ,
И государство не ждало въ волненьи
Ни перемѣны, ни лучшихъ дней себѣ.

Салисбюри.

И потому — вдвойнѣ носить корону,
Великій санъ безъ нужды возвышать,
Расписывать цвѣтъ лиліи прелестной
И золото скрывать подъ позолотой,
И ароматомъ окроплять фіалку,
И ледъ лощить, и къ радуги цвѣтамъ
Цвѣтъ добавлять, и яркій неба сводъ
Огнемъ свѣчи надѣяться украсить —
Пустая роскошь, трудъ, достойный смѣха.

Пэмброкъ.

Монарха волю чтить готовы мы,
Но весь обрядъ подобенъ сказкѣ старой,
Которую рассказываютъ вновь
Не во-время и слуху не на радость.

Салисбюри.

И древній, и почтенный всѣмъ обрядъ

Обезображень новымъ повтореньемъ.
Какъ вихрь нежданный между парусовъ,
Обычныхъ мыслей ходъ онъ измѣняетъ,
Пугаетъ и наводитъ на сомнѣнья,
Мутитъ разсудокъ и перечить правдѣ,
Въ уборѣ новомъ скрывъ ее безъ нужды.

Пэмброкъ.

Напрасно трудъ удачный украшать
Пытается работникъ щепетильный.
Какъ часто мы, въ ошибкѣ извиняясь,
Тѣмъ извиненьемъ болѣе грѣшимъ!
Такъ на дырѣ ничтожной чрезъ заплату
Негодность ткани видится яснѣе,
И та заплата выдаетъ весь грѣхъ.

Салисбюри.

Передъ твоимъ коронованьемъ новымъ
Тебѣ совѣтъ нашъ высказали мы;
Но не было угодно государю
Принять совѣта. Впрочемъ, мы довольны:
Всегда желанья подданныхъ должны
Подчинены быть волѣ государя.

Король Джонъ.

Мы вамъ сказали важныя причины
Для новаго вѣнчанія на царство,
А коль смягчатся опасенья наши,
Важнѣйшія причины скажемъ мы.
До той поры спѣшите передать,
Какихъ отъ насъ вы милостей хотите
И убѣдиться, какъ охотно мы
И примемъ, и исполнимъ просьбы ваши.

Пэмброкъ.

Позволь же мнѣ (на то мнѣ голосъ данъ,
Чтобъ выражать вельможъ твоихъ желанья)
За нихъ и за себя, и — что важнѣй —

Для блага твоего, что насъ заботитъ,
Просить, чтобъ ты Артуру далъ свободу.
Ребенка въ заточеньи держишь ты,
И поводъ ты молвѣ неблагоклонной
Даешь къ такимъ опаснымъ разсужденьямъ:
Когда по праву царство за тобою,
Такъ для чего жъ изъ страха (страхъ всегда
Съ неправдой неразлученъ) ты въ темницу

Дитя, тебѣ родное, заключилъ,
Глушишь его въ невѣжествѣ жестокомъ
И юность губишь въ душномъ заточеньи?
Чтобы врагамъ порядка не давать
Возможности къ такому обвиненью,
Свободы принцу просимъ мы теперь.
Не изъ-за выгодъ мы того хотимъ,
Но думаемъ, что для своей же пользы
Ребенка ты велишь освободить.

Король Джонъ.
Пусть будетъ такъ. Дитя ввѣряю я
Заботамъ вашимъ.

Входитъ Губертъ.

Король Джонъ.
Губертъ, что ты скажешь?
(*Отводитъ его въ сторону*).

Пэмброкъ.
Вотъ тотъ злодѣй, что смерть ему готовилъ.
Онъ одному изъ близкихъ мнѣ людей
Показывалъ приказъ на дѣло крови.
Въ глазахъ его казался тяжкій грѣхъ;
Весъ видъ его, отчаянный и мрачный,
Душевную тревогу выдаетъ,
И я страшусь — не выполнилъ ли онъ
Приказа, за который мы страшились.

Салисбюри.
Гляди, король мѣняется въ лицѣ!
Въ немъ мечутся и совѣсть, и рѣшимость,
Какъ два герольда межъ двухъ битвъ тяжелыхъ.
Созрѣли злыя мысли — быть грозѣ!

Пэмброкъ.
И та гроза разоблачить предъ нами
Убійство злое милаго дитяти.

Король Джонъ. (*подходя къ лордамъ*).
Намъ не сдержать руки у смерти сильной:
Хотя во мнѣ рѣшеніе живетъ
Исполнить лордовъ преданныхъ желанье,
Но просьбѣ вашей смерть дала конецъ.
(*Указываетъ на Губерта*).
Онъ вѣсть принесъ — Артуръ скончался ночью.

Салисбюри.
Должно быть, безнадежно занемогъ онъ.

Пэмброкъ.

Должно быть, и ребенокъ самъ не зналъ,
Какъ до болѣзни къ смерти былъ онъ близокъ.
Здѣсь или не здѣсь — намъ нуженъ въ томъ отвѣтъ.

Король Джонъ.

Зачѣмъ глядите, грозно сдвинувъ брови,
Вы на меня? Иль можете вы думать,
Что ножницы судьбы въ моихъ рукахъ?
Иль жизни токъ подвластенъ нашей волѣ?

Салисбюри.

Тутъ нечиста игра — и стыдно вѣрить,
Что власть земная такъ плутуетъ грубо.
Веди жъ игру съ успѣхомъ и прощай!

Пэмброкъ.

Лордъ Салисбюри, погоди. Вдвоемъ
Пойдемъ къ владѣньямъ бѣднаго дитяти,
Пойдемъ къ его безвременной могилѣ,
Что стало царствомъ маленькимъ ему.
Въ трехъ-футовомъ пространствѣ на землѣ
Та кровь, что цѣлымъ островомъ владѣла!
Намъ гнусенъ свѣтъ! Мы не снесемъ того.

(Лорды уходятъ).

Король Джонъ.

Они горятъ негодованьемъ. Каюсь:
Опоры твердой не построишь кровью!
Чужою смертью жизни не спасешь!

Входитъ вѣстникъ.

Король Джонъ.

Бѣдой глядишь ты. Гдѣ дѣвалась кровь,
Которую видалъ въ лицѣ я этомъ?
Такая туча не пройдетъ безъ бури.
Кончай скорѣй! Что Франція?

Вѣстникъ.

Идетъ

Вся Франція войною на британцевъ.
Такой огромной силы для набѣга
Ни въ чьей странѣ еще не собиралось.
Походъ твой быстрый подалъ имъ примѣръ,
И раньше вѣсти о приготовленьяхъ
О высадкѣ ихъ вѣсти я несусь.

Король Джонъ.

Иль пьяны были посланные наши?

Иль спало все? Что съ матерью моей?
Иль до нея не доходило слуха
О сборѣ войскъ?

43

Вѣстникъ.

Великій государь,
Могильнымъ прахомъ слухъ ея засыпанъ.
На первое апрѣля умерла
Высокая родительница ваша.
А за три дня, лишенная разсудка,
Констанція скончалась. Эту вѣсть
Узналъ случайно я и не могу
Сказать — она правдива, или нѣтъ.

Король Джонъ.

Сдержи полетъ свой, страшная судьба!
Примкни ко мнѣ, чтобъ лордовъ раздраженныхъ
Я успокоилъ. Мать моя скончалась!
Бѣда грозитъ моимъ французскимъ землямъ!
Ну, говори: коль высадка была,
То кто ведетъ французскія дружины?

Вѣстникъ.

Дофинъ ведетъ ихъ.

*Входятъ Филиппъ Незаконнорожденный
и Питеръ изъ Помфрета.*

Король Джонъ.

Отъ вѣстей твоихъ

Мутится разумъ.
(Филиппу) Что, какіе толки
О порученьи, что тебѣ я далъ?
Вѣстями злыми голова полна —
И новыхъ бѣдъ не смѣй ты мнѣ пророчить.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Когда о злѣ не хочешь слушать ты,
То зло къ тебѣ нагрянетъ и неожиданнымъ.

Король Джонъ.

Кузень, прости меня! Приливомъ бурнымъ
Я съ ногъ былъ сбить; но снова изъ пучины
Я поднялся, и перевелъ дыханье
И выслушать твою я вѣсть готовъ,
Хотя бъ она была полна бѣдою.

Филиппъ Незаконнорожденный.
О томъ, какъ я съ попами велъ себя,

Тебѣ казна, мной добытая, скажетъ;
Но, на пути возвратномъ, я нашелъ
Народъ въ волненіи необыкновенномъ:
Онъ слухами и грезами смущенъ,
Исполненъ страха, смутныхъ ожиданій,
И вотъ пророкъ, котораго схватилъ
Я въ Помфретъ, на улицѣ, гдѣ онъ
Толпѣ за нимъ бѣжавшихъ ротозѣевъ
Разсказывалъ въ уродливыхъ стихахъ,
Что царственного ты вѣнца лишишься
Въ день Вознесенья и въ полдневный часъ.

Король Джонъ. (*Питеру*).
Ты это смѣлъ сказать, болтунъ безумный?

Питеръ.
Событія покажутъ, что я правъ.

Король Джонъ.
Въ тюрьму его! Возьми мерзавца, Губертъ,
И въ Вознесенье, въ полдень, въ самый часъ,
Когда вѣнца потерю онъ пророчить,
Пускай его повѣсятъ. Сдай его
И воротись сюда.

(*Губертъ и Питеръ уходятъ*).
Кузень мой милый,
Ты слышалъ ли про то, кто къ намъ идетъ?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Французъ идетъ; все полно слухомъ этимъ,
Да сверхъ того я повстрѣчалъ сейчасъ
Лордъ Бигота и лорда Салисбюри.
Глаза у нихъ сверкали краснымъ свѣтомъ,
Какъ только-что разложенный огонь.
Они, съ другими вмѣстѣ, на могилу
Идутъ Артура, говоря, что ночью
Ты приказалъ ребенка умертвить.

Король Джонъ.
Мой добрый другъ и родственникъ, иди,
Смѣшайся съ ихъ толпой, скажи, что я
Имѣю средства примириться съ ними —
И всѣхъ зови сюда.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Я ихъ сыщу.

Король Джонъ.
Не медли же и ногъ ты не жалѣй,

Могу ль я быть въ враждѣ съ моимъ народомъ,
Когда смятеніе шлетъ по городамъ
Нашествіе суровыхъ чужеземцевъ?
Крылатыми стопами, какъ Меркурій,
Иди отъ насъ и съ быстротою мысли
Вернись отъ нихъ ко мнѣ скорѣй, скорѣй!

44

Филиппъ Незаконнорожденный.
Я знаю самъ, что некогда зѣвать. (*Уходитъ*).

Король Джонъ.
Да, смѣлый рыцарь виденъ въ этой рѣчи.
(*Вѣстнику*).

Иди за нимъ; понадобится вѣстникъ,
Быть можетъ, между пѣрами и мной,
Такъ будь при немъ.

Вѣстникъ.
Иду, мой государь. (*Уходитъ*).

Король Джонъ.
Скончалась мать моя!

Губертъ *возвращается*.
Губертъ.
Мой государь, явилось въ эту ночь,
Какъ говорятъ, пять мѣсяцевъ на небѣ;
Изъ нихъ четыре неподвижны были,
А пятый обходилъ ихъ и чудесно
Бродилъ кругомъ.

Король Джонъ.
Пять мѣсяцевъ на небѣ!

Губертъ.
На улицахъ и старики, и бабы
Явленіе то толкуютъ на бѣду:
Въ устахъ у всѣхъ молва про смерть Артура,
И на-ухо, качая головами,
Они твердятъ другъ другу эту вѣсть,
Придерживая слушателей руку,
А тотъ, кто слышитъ вѣсть, и морщитъ брови,
И корчится, и головой киваетъ.
Я видѣлъ, какъ съ поднятымъ молоткомъ
Передъ желѣзомъ, на станкѣ остывшемъ,
Кузнецъ стоялъ и слушалъ, ротъ разинувъ,
А съ мѣркою и ножницами тутъ же
Стоялъ портной, и, впопыхахъ надѣвши

Не на ту ногу башмаки свои,
Разсказываль, что тысячи французовъ
Въ оружїи пришли и стали въ Кентѣ.
Другой болтунъ немытый прервалъ рѣчь
Той вѣстью, что Артуръ скончался ночью.

Король Джонъ.

Зачѣмъ ты мнѣ твердишь про слухи эти?
Зачѣмъ твердишь про юнаго Артура?
Ты погубилъ дитя. Его кончины
Я могъ желать — зачѣмъ она тебѣ?

Губертъ.

Какъ, государь! не ты ль мнѣ поводъ подаль?

Король Джонъ.

На грѣхъ и зло толпятся при царяхъ
Рабы, которымъ высшей власти прихоть
Есть поводъ на кровавыя дѣла;
Рабы, законъ толкующіе смѣло,
По мановенью царственной руки
Готовые всегда дать ходъ опасный
Тому, что прихоть царская велѣла.

Губертъ.

(подавая приказъ о смерти Артура).

Вотъ здѣсь рука — и здѣсь твоя печать.

Король Джонъ.

Когда придетъ послѣдній часъ разчета
Между землею и небомъ, та рука
И та печать свидѣтелями будутъ
И увлекутъ къ гибели меня.
Какъ часто поводъ къ злымъ дѣламъ даетъ
Одна возможность сдѣлать злое дѣло!
Когда-бъ ты не стоялъ вблизи меня
Помѣченнымъ, готовымъ къ дѣлу срама,
Убийство то мнѣ не пришло-бъ на мысли:
Но я примѣтилъ видъ жестокой твой,
Нашелъ тебя готовымъ къ дѣлу крови,
Угодливымъ, послушнымъ въ часъ опасный
И я про смерть Артура намекнулъ,
А ты, алкая милостей монарха,
Не устыдился принца погубить.

Губертъ.

Мой государь!

Король Джонъ.

Когда бы ты, рѣчь темную мою
Услышавши, отвѣтилъ мнѣ молчаньемъ,
Иль просто головою покачалъ,
Иль попросилъ дальнѣйшихъ разъясненій,
Глубокій стыдъ мой замялъ бы рѣчи,
И замолчалъ бы я, и опасенья
Твои во мнѣ самомъ развили-бъ ужась;
Но всѣ намеки понялъ ты мои —
И самъ грѣху намеками отвѣтилъ,
Отъ сердца ты, не медля, далъ согласье —
И гнусною рукою ты свершилъ
То, что мы оба и назвать стыдились.
Прочь съ глазъ моихъ! навѣки прочь отъ насъ!
Вельможами я брошенъ, у воротъ
Стоять враги, смѣясь надъ нашей силой,
И даже здѣсь, во мнѣ самомъ, въ томъ царствѣ,
Гдѣ кровь моя и гдѣ мое дыханье,
Горитъ междоусобная война
Межъ совѣстью и смертію дитяти.

Губертъ.

Иди-жъ на бой противъ чужихъ враговъ,
Я примирю тебя съ душой твоею:
Артуръ не умеръ. Руки у меня
И дѣвственны и чужды преступленья,
И нѣтъ на нихъ пурпурныхъ пятенъ крови.

45

Я въ эту грудь еще не допускалъ
Кровавыхъ мыслей тяжкаго напора —
И ты во мнѣ природу оскорбилъ,
Которая, подъ оболочкой черствой,
Укрыла душу, что итти не въ силахъ
Невинному ребенку въ палачи.

Король Джонъ.

Какъ, живъ Артуръ? Бѣги, бѣги же къ лордамъ,
Смягчи ихъ гнѣвный пламень вѣстью этой
И ихъ къ повиновенью призови!
Въ тяжелый часъ отъ гнѣва слѣпъ я былъ
Мечта о крови мнѣ глаза затмила,
И страшный видъ тебѣ она дала.
Не отвѣчай — скорѣе на совѣтъ
Зови ко мнѣ тѣхъ пэровъ раздраженныхъ!
Бѣги быстрѣй, чѣмъ рѣчь течетъ моя!

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Передъ замкомъ.

На стѣну входитъ Артуръ.

Артуръ.

Хоть высока стѣна, соскочу я.
О, пожалѣй, не тронь меня, земля!
Почти никто меня въ лицо не знаетъ;
А если-бъ кто и зналъ меня — нарядъ
Матроса-мальчика меня укроетъ.
Хоть страшно мнѣ, но ужъ рѣшился я.
Удастся мнѣ спрыгнуть и не разбиться,
Я безъ труда сумѣю убѣжать.
О, лучше умереть, себя спасая,
Чѣмъ смерти ждать, оставшись въ темницѣ!

(Прыгаетъ со стѣны).

О, дяди духъ сказался въ камняхъ этихъ!
Прими мой духъ, Господь — и кости эти
Пускай въ земле улягутся британской!

(Умираетъ).

Входятъ Салисбюри, Пэмброкъ и Биготъ.

Салисбюри.

Въ Сентъ-Эдмондсбери встрѣчу я его,
Милорды: намъ другого нѣтъ спасенья,
И кроткихъ предложеній мы не вправѣ
Отвергнуть въ эти тяжкіе часы.

Пэмброкъ.

Но кто-жъ принесъ письмо отъ кардинала?

Салисбюри.

Французскій вождь, достойный графъ Мелень.
Онъ на словахъ про всю любовь дофина
Мнѣ разсказалъ яснѣе, чѣмъ въ письмѣ.

Биготъ.

Что-жъ, завтра утромъ съ ними мы сойдемся.

Салисбюри.

Или скорѣй поѣдемъ къ нимъ: до встрѣчи
Два дня въ пути мы провести должны.

Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Привѣтъ вамъ снова, гнѣвные вельможи!
Черезъ меня король къ себѣ зоветъ васъ.

С а л и с б ю р и .

Король отбросилъ власть надъ всѣми нами;
Дрянной и грязной мантии его
Мы украшать не станемъ нашей славой,
И не согнемся мы до той ноги,
Что за собой слѣдъ крови оставляетъ.

Вернись и передай ему все это:
А многое, страшнѣе, знаемъ мы.

Ф и л и п п ъ Незаконнорожденный .
Вы думайте, какъ знаете; но лучше-бъ,
Мнѣ кажется, къ словамъ вернуться добрымъ.

С а л и с б ю р и .
Не наша то — но нашей скорби рѣчь.

Ф и л и п п ъ Незаконнорожденный .
Но если нѣтъ причинъ для вашей скорби,
То поводъ есть къ почтительнымъ рѣчамъ.

П э м б р о к ъ .
Да, сэръ, свои права имѣеть гнѣвъ.

Ф и л и п п ъ Незаконнорожденный .
Права — вредить тому, кто гнѣвомъ полонъ.

С а л и с б ю р и .
Вотъ здѣсь его темница. Это кто?
(Примѣчаетъ трупъ Артура).

П э м б р о к ъ .
И царственной, и чистою добычей
Гордится смерть! И нѣтъ на всей землѣ
Могилы, чтобъ укрыть такое дѣло!

С а л и с б ю р и .
Себя убійство въ ужасъ привело —
И трупъ не скрыть, и всѣхъ зоветъ на мщенье!

Б и г о т ъ .
Или палачъ прелестнаго ребенка
Его красу не смѣлъ закрыть могилой?

С а л и с б ю р и .
Что скажешь ты, сэръ Ричардъ? Ты видалъ
Подобное? Иль слышалъ, иль читалъ,
Или видалъ во снѣ дѣла такія?
Ты въ силахъ ли себѣ отдать отчетъ
Въ томъ, что ты видишь? Въ силахъ ли повѣрить —
Не видѣвъ самъ — тому, что видишь ты?

Не это ли вершина и вѣнецъ
Злодѣйскихъ дѣлъ? Не это ли — корона,
Что надъ гербомъ убійцы стать должна?
О, это стыдъ кровавый, лютость звѣря,
Позорнѣйшій ударъ, какими только
Каменосердый гнѣвъ и злая ярость
У состраданья вызывали слезы!

Пэмброкъ.

Убійства всѣ невинны передъ этимъ:
Оно въ своемъ единствѣ безпримѣрно
И освятить, и извинить собой
Всѣ ужасы, что намъ въ грядущемъ скрыты,
И шуткой станетъ пролитая кровь,
Въ сравненіи съ ужаснымъ этимъ видомъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Кровавое и пагубное дѣло,
Злодѣйскихъ рукъ безжалостнѣйшій слѣдъ,
Коль точно здѣсь виной рука людская.

Салисбюри.

Коль точно здѣсь виной рука людская?
Мы съ ясностью предвидѣли бѣду:
Здѣсь, въ дѣлѣ срама — Губерта рука,
А короля и замысль, и воля.
Здѣсь подданство слагаю я свое,
И на колѣняхъ передъ милымъ трупомъ,
Передъ красой безжизненной, несу,
Какъ ѿиміамъ, такой обѣтъ священный:
Отторгнусь я отъ прелестей земныхъ,
Я радостью себя не опозорю,
Не стану знать ни лѣни, ни покоя
До той поры, пока свою я руку
Не освящу отмищеніемъ священнымъ.

Пэмброкъ и Биготъ.

И тѣ слова мы свято подтверждаемъ.

Входитъ Губертъ.

Губертъ.

Я къ вамъ спѣшу, достойные вельможи.
Артуръ не умеръ; васъ зоветъ король.

Салисбюри.

О, дерзокъ онъ — предъ смертью не краснѣть!
Вонъ, мерзкій извергъ! съ глазъ долой, подлецъ!

Губертъ.

Не извергъ я.

Салисбюри.

Я твой палачъ теперь! (*Вынимаетъ мечъ*).

Филиппъ Незаконнорожденный.
Въ порядкѣ мечъ твой — спрячь его въ ножны!

Салисбюри.

Убійцы трупъ ему ножнами будетъ.

Губертъ.

Назадъ, милордъ! назадъ, я говорю!
Твой мечъ остеръ, но — Небомъ я клянусь —
И у меня наточенъ мечъ изрядно.
Опомнись же, не искушай меня,
Не вызывай опасную защиту,
Чтобъ не забылъ я, предъ твоею злобой,
Величія и сана твоего.

Биготъ.

Ты, куча грязи, лорду шлешь угрозы?

47

Губертъ.

Нисколько; но стоять за жизнь мою
И противъ императора я смѣю.

Салисбюри.

Убійца ты!

Губертъ.

Нѣтъ, не убійца я.

Тотъ, чей языкъ неправо обвиняетъ,
Тотъ говоритъ неправду предъ людьми.
А кто сказалъ неправду, тотъ солгалъ.

Пэмброкъ.

Руби его въ куски!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Остановитесь,

Я говорю вамъ.

Салисбюри.

Отойди назадъ,

Иль я тебя ударю, Фальконбриджъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Ударь ты лучше чорта, Салисбюри!
Пошевелись, косою мнѣ взглядъ пошли,
Иль съ гнѣвомъ мнѣ скажи худое слово —

И я тебя убью. Вложи жъ свой мечъ,
Не то — тебя съ твоею кочергою
Я такъ сомну, что будешь думать ты,
Не дьяволъ ли пришелъ къ тебѣ изъ ада.

Биготъ.

Какъ, храбрый, знаменитый Фальконбриджъ
На сторонѣ убійцы и мерзавца?

Губертъ.

Не для меня названья тѣ, лордъ Биготъ.

Биготъ.

Вотъ принца трупъ — кто умертвилъ его?

Губертъ.

За часъ назадъ онъ живъ былъ и здоровъ;
Я чтить его, любилъ его — и стану
Всю жизнь рыдать о горестной потерѣ.

Салисбюри.

Коварныхъ глазъ слезамъ не вѣрю я!
Ихъ проливать умѣеть и злодѣйство;
А кто привыкъ, тотъ ихъ рѣкою льетъ,
И жалость, и невинность представляя.
За мною всѣ, для чьей души ужасенъ
Нечистый воздухъ этой мерзкой бойни!
Здѣсь смрадъ грѣха — и душитъ онъ меня.

Биготъ.

Идемъ, идемъ къ дофину; ѣдемъ въ Бери.

Пэмброкъ.

А королю скажи — пусть ищетъ насъ.

(Лорды уходятъ).

Филиппъ Незаконнорожденный.
Не хороши дѣла! *(Губерту.)* О смерти принца
Ты зналъ ли? Если ты убилъ его,
То нѣтъ тебѣ прощенья: ты нарушилъ
Границы всѣ и мѣры для пощады.
Ты будешь проклятъ, Губертъ.

Губертъ.

Но послушай.

Филиппъ Незаконнорожденный.
А вотъ что я могу тебѣ сказать:
Ты черенъ такъ, какъ чернота сама,
Проклятѣ ты принца Люцифера,
И дьявола гнуснѣе нѣтъ въ аду,

Чѣмъ ты, убившій этого ребенка.

Губертъ.

Клянусь душой моей...

Филиппъ Незаконнорожденный.

Когда ты далъ

Согласье на жестокий тотъ проступокъ,
То задохнись съ отчаянья, и если
Веревку ты захочешь для себя,
То подбери ничтожнѣйшую нитку,
Что выпускаетъ изъ себя паукъ,
И удавился ей; на тростникъ,
Какъ на суку, повѣсься безъ труда,
А если ты захочешь утопиться,
То зачерпни воды себѣ на ложку —
И эта ложка станетъ океаномъ,
Чтобъ поглотить такого душегубца.
Да, тяжело заподозрѣнь мною ты.

Губертъ.

Когда я дѣломъ, мыслию, согласемъ
Виновенъ въ кражѣ милой той души,
Что замкнута была въ прелестномъ прахѣ,
То пусть въ аду не сыщется мнѣ мукъ!
Онъ былъ здоровъ, когда ушелъ я.

48

Филиппъ Незаконнорожденный.

Ну,

Бери же трупъ, неси его отсюда.
Мой духъ смущенъ — теряется мой путь
Межъ терній и житейскихъ тревоженій!
(Губертъ поднимаетъ тѣло на руки).
О, какъ легко всю Англію ты поднялъ!
Изъ этихъ мертвыхъ, царственныхъ останковъ
Взлетѣла къ небу жизнь страны родной
И правда, и законъ, и остается
Вся Англія на горе и тревогу,
И на раздоръ, и на добычу скорби.
Теперь, какъ песь на кинутую кость,
Щетинится война на царство наше —
И грозно зубы скалить и рычить
На миръ невинный съ кроткими глазами.
Набѣгъ извнѣ и смуты въ государствѣ
Сошлись въ рядъ, и безпорядокъ ждетъ,
Какъ воронъ надъ упавшею скотиной,

Паденія похищеннаго трона.
Счастливъ, чей плащъ и поясъ не слетятъ
Передъ напоромъ этой бури. Что же?
Неси ребенка и бѣги за мной —
Я къ королю иду. Въ рукахъ скопились
По тысячамъ нужнѣйшія дѣла,
А самъ Господь на край нашъ смотритъ грозно.
(Уходятъ).

49

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входитъ король Джонъ, Пандольфъ съ короною и свита.

Король Джонъ.

Итакъ, вѣнецъ величья моего
Тебѣ я сдалъ.

Пандольфъ
(возвращая корону).

И отъ моей руки
Бери его назадъ. По власти папы
Тебѣ даются власть и царскій санъ.

Король Джонъ.
Теперь спѣши сдержать святое слово:
Иди къ французу и останови
Его походъ отца святого волей.
Спѣши, пока къ намъ пламя не дошло.
Ужъ бунтъ кипитъ по нашимъ графствамъ буйнымъ;
Съ подданствомъ мой разсорился народъ:
Онъ преданность готовить и присягу
Чужимъ властямъ и чужеземной крови;
Растетъ напоръ волненія и смуть,
И ты одинъ сдержать его способенъ.
Не медли же; недугъ временъ таковъ,
Что пропусти минуту врачеванья —
И все падетъ въ бѣдѣ неисцѣлимой.

Пандольфъ.
Моимъ дыханьемъ поднѣлъ я угрозу
Въ тотъ часъ, когда противился ты папѣ;

Но съ кротостью несешь ты покаянье —
И бурю брани словомъ погашу я
И тишину твоимъ владѣньямъ дамъ
Въ день Вознесенья: помни жъ, ты принеси
Присягу на повиновенье папѣ —
И въ тотъ же день, сегодня, я иду,
Къ французу — и французъ оружье сложить.
(Уходитъ).

Король Джонъ.
Сегодня Вознесенья день, а мнѣ
Сказалъ пророкъ, что въ полдень Вознесенья
Короны я лишусь. И правъ онъ былъ.
Я думалъ, что лишусь ее насильемъ.
Но, слава Небу, самъ я сдалъ корону.

50

Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Весь Кентъ врагамъ отдался — не сдался
Одинъ лишь замокъ въ Доверѣ; какъ гостя,
Дофина съ войскомъ принимаетъ Лондонъ.
Твои вельможи слушать не хотѣли
Моихъ рѣчей и перешли къ врагу,
А горсть друзей сомнительныхъ твоихъ
Колеблется волненіемъ и страхомъ.

Король Джонъ.
И лорды не вернулись ко мнѣ,
Узнавъ, что юный принцъ не умеръ?

Филиппъ Незаконнорожденный.
Артура трупъ на улицѣ нашли
Твои вельможи — и въ пустомъ ковчегѣ
Алмаза жизни не было: онъ взять
Проклятой, неизвѣстною рукою.

Король Джонъ.
Онъ живъ — мерзавецъ Губертъ мнѣ сказалъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.
И живъ онъ былъ, клянусь душой моею.
Что жъ ты повѣсилъ голову?
Зачѣмъ глядишь такъ грустно? Будь великъ
На дѣлѣ, какъ великъ ты помышленьемъ!
Пусть міръ не видитъ страха и тревоги,
Туманящихъ могучій царскій взглядъ!
Коль грозенъ часъ — встрѣчай его грозою,

Къ бѣдѣ съ челомъ безстрашнымъ подступай, —
Тогда и взгляды подданныхъ твоихъ,
Привычные итти за слѣдомъ царскимъ,
Понявъ примѣръ великій, вспыхнуть сами
Несокрушимой твердости огнемъ.
Впередъ! Сверкай, какъ свѣтлый богъ войны,
Когда на поле брани онъ стремится:
Пусть видятъ всѣ, какъ ты могучъ и смѣлъ.
Иль пустить левъ враговъ въ свою пещеру?
Иль предъ врагами станетъ онъ дрожать?
Нѣтъ, не бывать тому! Сбирай войска,
Иди встрѣчать грозу въ открытомъ полѣ,
Не жди ее, но самъ схватися съ ней!

Король Джонъ.

Посланникъ папы былъ сейчасъ со мною:
Счастливый миръ свершился между нами,
И далъ онъ слово отослать войска
Дофиновы.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Позорное сближенъе!

Какъ? Наши земли заняты врагами,
А мы миримся, каемся во всемъ,
Хитримъ, зовемъ посредниковъ и миръ
Презрѣнный предлагаемъ вражьей силѣ?
Какъ? Безбородый мальчикъ, негодяй
Изнѣженный, поля безчестить наши,
Ломаются въ воинственной странѣ
На срамъ небесъ, знамена распускаетъ —
И мы его не сломимъ? Государь!
Къ оружію, къ оружію! Быть можетъ,
Твой кардиналъ не принесетъ намъ мира;
А если будетъ миръ — пусть знаютъ всѣ,
Что было все готово для защиты.

Король Джонъ.

Распоряжайся всѣмъ за это время.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Смѣлѣй впередъ! У насъ достанетъ силы
И на отпоръ страшнѣйшему врагу.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Поле близъ Эдмондсбери.

*Входятъ дофинъ Людовикъ, Салисбюри,
Мелень, Пэмброкъ, Биготъ и войско.*

Людовикъ.

Милордъ Милень, вели списать бумагу
И списокъ сохраняй на память намъ,
А подлинникъ ты лордам возврати;
Пускай они, узнавши нашу волю,
И сами мы, читая тѣ слова,
Пребудемъ тверды въ общей клятвѣ нашей,
Въ залогъ которой приняли Дары.

Салисбюри.

Мы клятвы нашей вѣки не нарушимъ.
Безъ принужденья, по своей охотѣ
Служить тебѣ присягу дали мы,
Хотя не радостно для насъ, повѣрьте,
Лѣчить недугъ и язву дней тяжелыхъ
Возстаніемъ, и раны наносить
Для исцѣленья раны жесточайшей.
Въ душѣ моей мнѣ горько извлекать
Желѣзо это изъ ножонъ затѣмъ,
Чтобъ размножать вдовицъ въ родимомъ краѣ.
До сей поры вездѣ, гдѣ честь звала,
Гдѣ приходилось лишь стоять за правду,
Вездѣ гремѣло имя Салисбюри!
Но такъ полны заразой наши дни,
Что, правду исцѣляя и врачуя,
Намъ руку смуть осталось лишь поднять

51

На горькую, жестокую неправду.
Не горько ль намъ, печальные друзья,
Сынамъ и дѣтямъ острова родного,
Родиться на такой печальный часъ,
Ступать на сердцѣ родины съ пришельцемъ
И умножать ряды враговъ собою,
И дажѣ здѣсь, гдѣ я стою и горько плачу,
На самомъ мѣстѣ горькаго рѣшенья,
Средь рыцарей чужихъ, далекихъ странъ
Стремиться за чужими знаменами?
Мы на своихъ идемъ! Народъ родной,
О, если бѣ ты укрыться могъ отъ брани,
О, если бы объятія Нептуна,
Что обняли тебя со всѣхъ сторонъ,

Тебя отсюда унести могли
И перебросить далеко, къ невѣрнымъ,
Гдѣ объ рати христіанскихъ царствъ
Могли бѣ смѣнить вражду союзомъ тѣснымъ
И не терзать другъ друга, какъ враги!

Л ю д о в и к ъ .

Въ твоихъ рѣчахъ высокій духъ сказался,
И злая скорбь, стѣснивши грудь твою,
Грозою благородства разразилась.
О, какъ свята была твоя борьба
Межъ принужденіемъ и закономъ чести!
Моей рукой со щекъ твоихъ сотру я
Росистыхъ слезъ честное серебро.
Не разъ душа смягчалась моя
Отъ женскихъ слезъ обычнаго потока,
Но этотъ ливень мужественныхъ капель
Изъ сердца, потрясеннаго грозою,
Меня увлекъ и взоръ мой поразилъ
Сильнѣй, чѣмъ видъ воздушныхъ сводовъ неба,
Пылающихъ рядами метеоровъ.
О, славный Салисбюри, подними
Свое чело и съ мужественнымъ сердцемъ
Иди впередъ, навстрѣчу лютой бурѣ,
А слезы предоставь глазамъ мальчишекъ,
Что не видали міра въ часъ грозы
И на пирахъ однихъ съ судьбой боролись,
Болтая, веселясь и горячась!
Иди ко мнѣ. Съ Людовика рукой
Твоя рука въ сокровищницу счастья
Опустится глубоко — и съ тобой
Дары раздѣлятъ свѣтлые вельможи,
Сцѣпившіеся съ силою моею.
И ангельскій намъ голосъ прозвучить...

Входитъ Пандольфъ со свитой.

Л ю д о в и к ъ .

Гляди, святой легатъ сюда явился,
Чтобъ волю неба намъ провозгласить
И освятить священнымъ словомъ права
Рѣшенья наши.

П а н д о л ь ф ъ .

Свѣтлый принцъ французскій,
Привѣтъ тебѣ! Затѣмъ — вотъ рѣчь моя:
Король британскій примирился съ Римомъ;

Покорень духъ, что грозно возставалъ
Противу церкви и священной власти,
А потому — спѣши скорѣе свить
Твои грозой развитыя знамена
И укротить жестокий духъ войны,
Чтобъ онъ, какъ левъ, приученный къ рукамъ,
Спокойно легъ передъ стопами мира
И лишь по виду ужасъ возбуждалъ.

Л ю д о в и к ъ .

Прости, отецъ — я не пойду назадъ.
Высокъ мой родъ, и мнѣ не знать подданства,
Не мнѣ чужимъ рѣшеньямъ уступать

52

И быть слугой или слѣпымъ орудьемъ
Какой-нибудь изъ всѣхъ земныхъ властей.
Ты дунулъ на потухшій уголь брани;
Ты брань разжегъ межъ мной и царствомъ этимъ;
Ты дровъ принесъ и ты питалъ огонь —
И не задуть теперь дыханьемъ слабымъ
То пламя, что когда-то ты зажегъ.
Ты мнѣ помогъ съ моимъ спознаться правомъ;
На это царство ты мнѣ указалъ;
Въ моей душѣ родилъ ты мысль о брани —
И ты мнѣ смѣешь говорить, что Джонъ
Мирится съ Римомъ. Что мнѣ въ этомъ мирѣ?
Я, въ силу правъ супружескаго ложа,
За смертью принца юнаго Артура,
Прямой властитель этихъ областей;
И, покоривши царства половину,
Ужель теперь назадъ вернуся я,
Затѣмъ что Джонъ смирился передъ Римомъ?
Иль рабъ я римскій? Развѣ Римъ мнѣ далъ
Войска и деньги? Или Римъ доставилъ
Запасы на походъ мой? Иль не я
Несу войны всю тягость? Иль не я
Съ вассалами моими заодно
Тружусь въ поту, подъ тяжестію бранной?
Иль не слыхалъ я, какъ «Vive le Roy»
Островитяне здѣшніе кричали,
Какъ я съ побѣдой въ города вступалъ?
Не мнѣ ль, въ игрѣ на царственный вѣнецъ,
Изъ лучшихъ картъ досталась въ руки сдача?
И выигрышъ мой вѣрный брошу я?
Клянусь душой — того вовѣкъ не будетъ!

П а н д о л ь ф ъ .
На внѣшность дѣла ты глядишь одну.

Л ю д о в и к ъ .
Такъ или нѣтъ — но не вернуся я,
Пока вполнѣ со славой не свершится
Мой замыселъ, пока я не исполню
Моихъ надеждъ, съ которыми я смѣло
На дѣло брани выступилъ, забравъ
Съ собой бойцовъ горячихъ и готовыхъ
Добыть завоеваній и честей
Изъ самой пасти смерти и тревоги.

(Слышенъ звукъ трубы).
Кто насъ зоветъ веселымъ трубнымъ звукомъ?
Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный со свитою.

Ф и л и п п ъ Н е з а к о н н о р о ж д е н н ы й .
Согласно всѣмъ обычаямъ житейскимъ,
Прошу свиданья: я посломъ являюсь.
(Пандольфу).

Святой отецъ Миланскій, присланъ я
Отъ короля, чтобы узнать о томъ,
Чѣмъ кончились переговоры ваши?
А твой отвѣтъ покажетъ ясно мнѣ,
Какую рѣчь языкъ держать мой будетъ.

П а н д о л ь ф ъ .
Со злобою противится дофинъ,
Моихъ не принимаетъ увѣщаній,
И наотрѣзъ онъ объявляетъ намъ
Что браннаго оружія не сложить.

Ф и л и п п ъ Н е з а к о н н о р о ж д е н н ы й .
Клянуся всей таинственной кровью,
Рѣчь юноши смѣла и хороша!
Пусть онъ теперь услышитъ рѣчь другую,
Что черезъ меня король британскій держить.
На бой готовъ онъ — и давно готовъ:
Смѣется царь мой надъ походомъ вашимъ,
Коварнымъ и достойнымъ обезьянъ.
Ему смѣшны внезапность наступленья,
Попытки бунта, воинскія маски
И дерзость вашихъ безбородыхъ войскъ.
Хлыстомъ онъ сгонитъ прочь съ земли родной
Полки пигмеевъ вашихъ и покончить
Пигмейскую, презрѣнную войну.

Ужель рука, что силою своей
Могла тузить васъ передъ дверью вашей;
Рука, передъ которой вы бѣжали
И прятались, какъ ведра по колодцамъ,
И залѣзали подъ навозъ въ конюшняхъ
Со свиньями, ища себѣ спасенья
Въ шкапахъ, въ ларяхъ, темницахъ, въ погребахъ,
Дрожа и повергаясь въ страшный трепеть,
Заслыша крикъ родного пѣтуха
И думая, что то кричитъ британецъ —
Ужель слаба та грозная рука,
Что била васъ подъ самой кровлей вашей?
Нѣтъ, знайте жъ, мой могучій государь
Надѣлъ броню — и, какъ орелъ, парящій
Надъ крѣпостью воздушною своей,
Гнѣздо свое готовъ оберегать.

(Салисбюри и другимъ лордамъ).

А вы, что бунтъ безсовѣстный подняли,
Неблагодарныхъ выродковъ толпа,
Готовая терзать, какъ злой Неронъ,
Утробу нашей матери любезной —
Краснѣйте! срамъ на васъ! И жены ваши,
И блѣдныя британскія дѣвицы
Идутъ въ толпахъ подъ барабанный бой,
Какъ амазонки, смѣло замѣнивъ
Копьемъ иглу, наперстки побросавъ,
На руки вздѣвъ желѣзные перчатки

53

И въ нѣжномъ сердцѣ грозно распаливъ
Кровавый и жестокий пламень брани.

Л ю д о в и к ъ .

Довольно хвастать. Убирайся съ миромъ:
Мы знаемъ, что тебя не переспорить.
Прощай, намъ время дорого: терять
Мы съ болтуномъ такимъ его не вправѣ.

П а н д о л ь ф ъ .

Хочу сказать я слово.

Ф и л и п п ъ Незаконнорожденный .

Рѣчь за мною.

Л ю д о в и к ъ .

Обоихъ васъ мы слушать не хотимъ.
Ударить въ барабаны: бранный голосъ
За насъ — и наше право пусть гремитъ!

Филиппъ Незаконнорожденный.
Бей въ барабанъ — и будетъ онъ шумѣть;
Тебя побьютъ — и самъ шумѣть ты станешь.
Ну что-жъ? Пускай гремитъ твой барабанъ —
И близъ него тотчасъ другой ударить
И загремитъ не хуже твоего;
Ударъ въ другой — и новый барабанъ
Ему въ отвѣтъ подниметь громъ свой къ небу,
Заспоривъ съ громомъ тяжкимъ и глухимъ.
Здѣсь въ двухъ шагахъ — легату не ввѣряясь
И не нуждаясь въ помощи его —
Могучій Джонъ стоитъ съ своею силой,
А на челѣ монарха смерть сидитъ,
И предстоитъ ея скелету пиръ
Сегодня же изъ тьмы французскихъ труповъ.

Людовикъ.

Бить въ барабанъ! Увидимъ, близко-ль врагъ!

Филиппъ Незаконнорожденный.
Сейчасъ, дофинъ, его ты самъ увидишь!
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Поле сраженія.

Тревога и схватка. Входятъ король Джонъ и Губертъ.

Король Джонъ.

Какъ бой идетъ? Скажи скорѣе, Губертъ!

Губертъ.

Боюсь, что худо. Государь, что съ вами?

Король Джонъ.

Та лихорадка вновь гнететъ меня,
Что мучила меня такъ долго. О,
Моя душа тоскуетъ!

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Государь,

Вашъ родственникъ, отважный Фальконбриджъ,
Васъ проситъ удалиться съ поля битвы
И чрезъ меня увѣдомить его,
Куда вы двинетесь.

Король Джонъ.
Скажи ему,
Что я иду къ Свинстидскому аббатству.

Вѣстникъ.
Мужайтесь-же: огромный тотъ отрядъ,
Что долженъ былъ поспѣть къ дофину въ помощь,
Три дня тому, на гудвинскихъ пескахъ
Понесъ крушеніе. Ричардъ лишь сейчасъ
О томъ узналъ. Французъ дерется слабо
И отступаетъ.

Король Джонъ.
Горе! весь горю я
Въ проклятой лихорадкѣ — и не въ силахъ
Привѣтно встрѣтить радостную вѣсть.
Скорѣе въ Свинстидъ. Гдѣ мои носилки?
Я изнуренъ, меня схватила слабость.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Другая часть поля сраженія.

*Входятъ Салисбюри, Пэмброкъ, Биготъ
и другіе лорды.*

Салисбюри.
Не думалъ я, что Джонъ силенъ друзьями.

Пэмброкъ.
Еще разъ въ бой! Одушевляй французовъ;
Коль ихъ побьютъ — и намъ не сдобровать.

Салисбюри.
Тотъ выкидышъ бѣсовскій, Фальконбриджъ,
На зло судьбѣ, одинъ все поле держитъ.

Пэмброкъ.
Король ихъ Джонъ, я слышалъ, занемогъ
И съѣхалъ съ поля.

Входитъ Меленъ, раненый и поддерживаемый воинами.

Меленъ.
Подвести меня
Вотъ къ этимъ возмущившимся британцамъ.

С а л и с б ю р и .
Въ счастливый часъ насъ такъ никто не звалъ.

П э м б р о к ъ .
То графъ Меленъ.

С а л и с б ю р и .
Онъ раненъ — и смертельно!

Меленъ.
Спасайтесь, благородные британцы!
Вы куплены и проданы. Скорѣй
Закройте очи грозному возстанью, —
Вернитесь къ отброшенной присягѣ,
Падите въ прахъ предъ вашимъ государемъ,
Затѣмъ что если въ этотъ бурный день
Останется побѣда за французомъ,
Прикажетъ онъ, за ваши всѣ труды,
Васъ обезглавить, въ видѣ воздаянья.
Въ томъ клялся онъ и я, и всѣ вожди
Въ Сентъ-Эдмонсбери, передъ алтаремъ,
На самомъ мѣстѣ, гдѣ мы вамъ клялися
Въ святой любви и нерушимой дружбѣ.

С а л и с б ю р и .
Возможно-ли? Ты правду говоришь?

Меленъ.
Иль не гляжу въ глаза я смерти гнусной?
Иль не остаткомъ жизни я живу,
И съ кровью не уходитъ тотъ остатокъ,
Какъ таетъ воскъ передъ лицомъ огня?
Что въ мірѣ всемъ на ложь меня склонить,
Коль не видать мнѣ выгодъ отъ обмана?
Я повторяю: если за дофиномъ
Останется побѣда — на востокъ
Не увидать вамъ утренней зари!
Ужъ ночи мракъ, и дымный и тлетворный,
Вздывается подъ огненнымъ шеломомъ
Дневнымъ трудомъ измученнаго солнца —
И въ эту ночь проститесь съ жизнью вы:
Людовику дадите вы побѣду,
Но жизнию заплатите вы пеню
Измѣннику за горькую измѣну.
Вы Губерту привѣтъ мой передайте
И государю вашему: любовь
И преданность моя къ обоимъ имъ
(Мой дѣдъ былъ родомъ подданный британскій)

Меня къ моимъ признаніямъ склонила
И совѣсть пробудила у меня.
За мой совѣтъ — я васъ прошу — снесите
Меня подальше съ поля боевого,
Отъ шума дальше, чтобъ спокойно я
Успѣлъ собрать моихъ остатокъ мыслей —
И набожно, въ священныхъ размышленьяхъ
Разлуку встрѣтитъ тѣла и души.

С а л и с б ю р и .

Тебѣ мы вѣримъ и — душой клянусь —
Я радостно, съ любовью вижу случай
Свернуть назадъ съ проклятаго пути
И снова, отступающимъ приливомъ,
Измѣны гниль оставя за собою,
Вступить смиренно въ оскорбленный берегъ
И вновь начать покорное теченье
Туда, гдѣ нашъ великій Океанъ —
Туда, гдѣ Джонъ, нашъ государь великій.
Самъ помогу я отнести тебя;
Въ твоихъ глазахъ мнѣ злая близость смерти
Сказалася. Впередъ, мои друзья!
На новый путь, съ привѣтомъ къ правдѣ старой!
(Уходятъ, поддерживая Мелена).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Французскій лагерь.

Входятъ Людовикъ и его свита.

Л ю д о в и к ъ .

И солнце словно медлило закатомъ,
Румяня на востокъ свѣтъ небесъ,
Когда британцы, въ полномъ отступленьи,
Вымѣривали собственное поле.
Мы мужественно кончили нашъ день,
Послѣднимъ залпомъ мы привѣтъ послали
И ночи, и концу кровавой сѣчи,
И гордо мы, послѣдніе на полѣ,
Почти добывши полную побѣду,
Знамень лоскутья свили предъ врагомъ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Гдѣ принцъ нашъ? Гдѣ дофинъ?

Людовикъ.

Передъ тобой.

Какія вѣсти?

Гонецъ.

Графъ Меленъ убитъ;

Отъ насъ ушли британскіе вельможи;

А тѣ запасы, что ты ждалъ давно,

На гудвинскихъ пескахъ погибли въ морѣ.

Людовикъ.

О, горьки вѣсти эти! Я не ждалъ,

Что грустно такъ придется ночь мнѣ встрѣтить.

Кто-жъ говорилъ мнѣ, что за часъ назадъ,

Пока еще усталыя дружины

Не разошлись отъ темноты ночной,

Король британскій удаился съ поля?

55

Гонецъ.

Кто-бъ ни сказалъ — то правда, государь.

Людовикъ.

Ну, хорошо. Разставьте часовыхъ.

Я раньше дня на-завтра поднимусь —

И снова въ битвѣ счастье испытаю.

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Открытое поле въ окрестностяхъ Свинстидскаго
аббатства. Ночь.

Входятъ съ разныхъ сторонъ Филиппъ

Незаконнорожденный и Губертъ.

Губертъ.

Кто тутъ? Скорѣй — иль выстрѣлю сейчасъ!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Куда идешь?

Губертъ.

Тебѣ какое дѣло?

Я то же у тебя спросить могу.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Не Губертъ-ли?

Губертъ.

Ты вѣрно угадалъ.

Что-бъ ни случилось, вѣрить я готовъ,

Что ты мнѣ другъ, коль разпозналъ мой голосъ.

Кто ты такой?

Филиппъ Незаконнорожденный.

Я все, что хочешь ты,

И радъ я буду, если ты признаешь,

Что я Плантагенетамъ не чужой.

Губертъ.

Невѣжливъ я, а ты съ слѣпою ночью

Меня стыдишь! Прости мнѣ, храбрый воинъ,

Что чуткій слухъ мой сразу не призналъ

И рѣчь твою, и голосъ этой рѣчи.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Безъ извиненій. Какъ идуть дѣла?

Губертъ.

Брожу я по челу у ночи черной,

Чтобы тебя сыскать.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Такъ говори-жъ,

Какія вѣсти?

Губертъ.

Мой любезный рыцарь,

На эту ночь мои походятъ вѣсти:

Черны и страшны, смутны и печальны.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Раскрой всю язву злыхъ твоихъ вѣстей:

Не баба я — и не лишуся чувства.

Губертъ.

Мнѣ кажется, отравленъ нашъ король:

Монахъ ему далъ яду; онъ теперь

Почти не въ силахъ говорить — и я

Его оставилъ, чтобъ тебѣ тотчасъ же

О томъ сказать и время дать тебѣ

Противъ бѣды внезапной взять всѣ мѣры.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Отравленъ? Какъ? Кто ядъ ему поднесъ?

Губертъ.

Я ужъ сказалъ тебѣ — монахъ, мерзавецъ,
Который самъ издохъ ужасной смертью.
Король еще немного говорить,
И, можетъ быть, оправится отъ яду.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Кого-жъ оставилъ ты при государѣ?

Губертъ.
Или не знаешь ты? Вельможи наши
Къ нему вернулись всѣ, и вмѣстѣ съ ними
Принцъ Генрихъ прибылъ. Онъ просилъ за нихъ,
И государъ простилъ ихъ, и они
Вокругъ его величества собрались.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Умѣрь свой гнѣвъ, могучій царь небесъ!
Не искушай насъ свыше нашей силы!
О, Губертъ, половина войскъ моихъ
Сегодня ночью, двигаясь равниной,
Захвачена была морскимъ приливомъ;
Близъ Линкольна поглощена она;
Мой славный конь одинъ меня избавилъ.
Не медли же, скорѣе къ королю!
Быть можетъ, не дождавшись насъ, онъ умеръ.
(Уходятъ).

56

СЦЕНА VII.

Садъ въ Свинстидскомъ аббатствѣ.

Входятъ принцъ Генрихъ, Салисбюри и Биготъ.

Принцъ Генрихъ.
Ужъ поздно! Ужъ совсѣмъ заражена
Вся кровь его, и самый свѣтлый мозгъ,
Какъ думаютъ — души чертогъ скудельный.
Пророчить намъ безсвязными рѣчами
Конецъ всему, что смертнаго въ немъ есть.

Входитъ Пэмброкъ.

Пэмброкъ.
Еще король владѣетъ языкомъ
И думаетъ, что ежели его
На свѣжій воздухъ вынесутъ — быть-можетъ,

Ослабится мучительный огонь
И жаръ его терзающаго яда.

Принцъ Генрихъ.
Скорѣй несите-жъ въ этотъ садъ его.
Онъ въ памяти?

Пэмброкъ.
Теперь онъ посмирнѣе,
Чѣмъ при тебѣ. Сейчасъ онъ пѣсни пѣлъ.

Принцъ Генрихъ.
Обманъ недуга! Грозныя страданья
Собою чувства наши притупляютъ.
Смерть, истерзавши нашъ составъ наружный,
Бросаетъ тѣло, чуждое сознанья,
И осаждаютъ идетъ разсудокъ нашъ:

57

Она его и ранить, и тревожить
Толпами грезъ мучительныхъ и странныхъ,
А грезы тѣ, смѣшавшись въ безпорядкѣ,
Врываюся въ послѣднюю твердыню.
Не чудно-ль то, что пѣсни смерть поетъ?
И мой отецъ — тотъ блѣдный, слабый лебедь
Что гимномъ скорби смерть свою встрѣчаетъ
И голосомъ слабѣющимъ поетъ
Душѣ и тѣлу пѣснь успокоенья.

Салисбюри.
Утѣшься, принцъ! Ты родился на то,
Чтобы создать и стройность, и порядокъ
Изъ хаоса оставленныхъ имъ смуть.

*Входятъ опять Биготъ и придворные,
неся короля Джона въ кресло.*

Король Джонъ.
А, наконецъ, просторнѣе душѣ:
Ей ни дверей, ни оконъ ужъ не надо.
Внутри меня пылаетъ лѣтній зной,
И внутренности прахомъ изсыхаютъ.
Я — какъ перомъ написанныя строки,
И сушить ихъ мой внутренній огонь,
И корчится исписанный пергаментъ.

Принцъ Генрихъ.
Что съ вами, государь?

Король Джонъ.
Отравленъ я!

Мнѣ худо! Умеръ я и брошенъ всѣми:
Никто изъ васъ не позоветъ зимы,
Чтобы она холодными перстами
Коснулась устъ моихъ, никто не скажетъ,
Чтобы рѣки королевства моего
Пролились мнѣ въ горящую утробу.
Вы съвера не просите, чтобъ онъ
Холоднымъ вѣтромъ поцѣлуй послалъ
Моимъ устамъ запекшимся. Немного
У васъ прошу я — холода мнѣ дайте!
Но скупы и неблагодарны вы —
И я молю напрасно.

Принцъ Генрихъ.

О, когда бы

Въ моихъ слезахъ цѣлительная сила
Открылася!

Король Джонъ.

Нѣтъ, горяча ихъ соль.

Весь адъ — во мнѣ. Въ немъ ядъ, какъ лютый бѣсъ,
Засѣлъ и муки тяжкія плодитъ
Навѣки осужденной, грѣшной крови.

Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Я весь горю: безъ отдыха, въ тревогѣ
Я къ вашему величеству спѣшилъ.

Король Джонъ.

Кузень, приспѣлъ ты мнѣ глаза закрыть:
Всѣ снасти сердца сбиты и сгорѣли,
И тотъ канатъ, что держитъ жизнь мою,
Сталъ тонкой ниткой, волоскомъ ничтожнымъ:
На волоскѣ виситъ душа моя.
И съ вѣстью онъ твоею оборвется,
А тамъ — увидишь ты лишь горсть земли
И куклу королевскаго величья.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Дофинъ опять готовится на бой
И не съ кѣмъ намъ итти къ нему навстрѣчу:
Сегодня въ ночь, часть лучшая дружинъ
Что двигались со мною съ поля битвы,
На берегу нечаянно и быстро
Поглощена приливомъ волнъ морскихъ.

(Король умираетъ).

С а л и с б ю р и .

Предъ мертвецомъ ты смерти вѣсть сказалъ.
Мой государь! милордъ! мой повелитель!
Онъ королемъ сейчасъ былъ — а теперь!...

П р и н ц ъ Г е н р и х ъ .

Такъ я пойду — и я такъ кончу путь,
Гдѣ-жъ въ мірѣ намъ надежда, твердость, сила,
Когда король здѣсь горстью праха сталъ!

Ф и л и п п ъ Н е з а к о н н о р о ж д е н н ы й .

(наклоняясь къ трупу короля).

Ты насъ покинулъ? Жить я остаюсь,
Чтобъ по тебѣ отмщенья службу справить,
А тамъ — моя душа пойдетъ на небо
Тебѣ служить, какъ здѣсь она служила.

(Лордамъ).

Вы-жъ, звѣзды, вновь вошедшія въ орбиты,
Гдѣ ваша власть и мужество? Загладьте
Измѣну вашу — и впередъ, за мной!
Отбить позоръ и гибель помогите
Отъ изнуренной родины дверей!
Впередъ, впередъ! ужъ врагъ подходитъ къ намъ,
И по пятамъ дофинъ слѣдитъ насъ гнѣвный.

С а л и с б ю р и .

Иль ты не слышалъ новостей послѣднихъ?
Здѣсь отдыхаетъ кардиналъ Пандольфъ.
За полчаса назадъ принесъ онъ къ намъ
Условія со стороны дофина —
И тѣ условия съ выгодой и честью
Принять мы можемъ и войну покончить.

58

Ф и л и п п ъ Н е з а к о н н о р о ж д е н н ы й .

И самъ ее онъ кончить, если мы
Всѣ мѣры примемъ къ мощной оборонѣ.

С а л и с б ю р и .

Да онъ ее отчасти ужъ окончилъ,
На берегъ моря отославъ обозы
И кардиналу сдавши отъ себя
Свои права по спору съ нашимъ краемъ.
Сегодня-жъ утромъ, если ты согласенъ,
Къ нему пойдёмъ мы съ лордами другими —
И выгодно дѣла всѣ порѣшимъ.

Ф и л и п п ъ Н е з а к о н н о р о ж д е н н ы й .

Пусть будетъ такъ. А ты, достойный принцъ,
И остальные старшіе вельможи
Отдайте долгъ послѣдній королю.

Принцъ Генрихъ.
Въ Ворчестерѣ его мы погребемъ —
Такъ онъ желалъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Пусть такъ оно и будетъ.

И счастливо да приметъ милый принцъ
И славный санъ, и земли родовыя!

(Становится на колѣни).

Ему, колѣна преклонивъ мои,
Я въ вѣрности и подданствѣ покорномъ
Навѣки клятву приношу мою.

Салисбюри.
И мы ему въ любви клянемся нашей —
И пусть на ней пятна не будетъ ввѣкъ.

Принцъ Генрихъ.
Мой кроткій духъ привѣтъ сказать вамъ хочетъ,
Но, вмѣсто словъ, однѣ вамъ слезы шлетъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.
Заплатимъ дань печали неизбѣжной,
Когда она начало всѣмъ скорбямъ.
У гордыхъ ногъ воителя чужого
Британія во прахѣ не лежала —
И не лежать ей въ прахѣ никогда,
Пока себя сама она не ранить.
Теперь родные принцы къ ней вернулись,
И пусть бойцы со всѣхъ концовъ земли
Идутъ на насъ — мы оттолкнемъ ихъ прочь!
Коль Англія быть Англіей умѣетъ,
Никто на свѣтѣ насъ не одолѣетъ.
(Уходятъ).

А. Дружининъ.

¹ Кромѣ общихъ монографій о Шекспирѣ (Elze, Брандеса, Женэ, Гервинуса, Тенъ-Бринка, Боткина, Даудена, Гейне и др.), ср.

Cassel's national library. The life and death of King John 1897. Здѣсь напечатанъ и текстъ анонимнаго автора, источника Шекспира. Bulthaupt. Dramaturgie des Schauspiels. Shakespeare. 7-ое изд. Lpzg. 1902. Bodenstedt. Shakespeare. Dramatische Werke. т. 4. 1890. Lewes. Shakespeare's Frauengestalten 1893. Delius. Die epischen Elementen in Shakespeare's Dramen (Jahrbuch d. deutschen Shakespeare-Gesellschaft. Weimar 1877. Bd XII). Tümmel I. Shakespeare's, Kindergestalten (Jahrbuch за 1875 г.); Friesen. Eine Wort über Shakespeare's Historien (Jahrbuch за 1873 г.).

² Эта сцена представляет собой одно из немногочисленных уклонений Шекспира от пьесы анонима.

Примѣчанія ко II-му тому.

Въ составленіи примѣчаній ко II-му тому приняли участіе Зин. Венгерова и С. А. Венгеровъ. Нѣкоторыя примѣчанія принадлежатъ переводчикамъ.

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

(King John).

Стр. 10.если
Воткнутъ ей розанъ за ухо – всѣ скажутъ:
Глядите, вотъ монета въ три полушки!

Старинная мелкая англійская монета въ три фартинга была серебряная и потому, конечно, очень тонка. На лицевой сторонѣ ея была изображена роза, рядомъ съ профилемъ королевы Елисаветы, и все это окружала латинская надпись: *rosa sine spina* (роза безъ шиповъ). По словамъ Теобальда, въ шекспирово время была мода носить за ухомъ розанъ.

Стр. 11. — *Будь счастливъ. Знать не даромъ
Путемъ законнымъ ты на свѣтъ рожденъ.*

По англ. пословицѣ незаконнорожденные счастливы отъ рожденія (*bastards are born lucky*), а законнорожденные слѣдовательно болѣе подвержены ударамъ судьбы и нуждаются въ добрыхъ пожеланіяхъ.

Стр. 11. *Не все ль равно, въ окно иль въ двери.*

In at the window, or else o'er the hatch — обычная во времена Ш. поговорка о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, встрѣчается часто въ драмахъ шекспировской эпохи.

Стр. 11. *Я не Филиппъ теперь.* — Въ оригиналѣ: *Philip! sparrow James* (Филиппъ, такъ зовутъ воробья, Джэмсъ). Герней не знаетъ о повышеніи своего господина, и называетъ его старымъ именемъ, на что тотъ ему отвѣчаетъ: «Филиппомъ зовутъ не меня, а воробья» (въ старой Англіи кличка воробья была *Philip* или *Phip*).

Стр. 11. *И зубы чистя...* Употребленіе зубочистокъ было во времена Шекспира новой, занесенной съ континента щеголями-туристами модой. Филиппъ мечтаетъ о томъ, что онъ сдѣлается собственникомъ рыцарскаго помѣстья, будетъ принимать за своимъ столомъ людей, много ѣздившихъ по свѣту, и ихъ рассказы о чужихъ краяхъ будутъ развлекать его досугъ.

Стр. 11. *Гдѣ тотъ великанъ...* Въ оригиналѣ: *Colbrand the Giant*. Филиппъ въ насмѣшку называетъ своего худоцаваго брата Кольбрандомъ, по имени датскаго великана, одолѣваго въ единоборствѣ англійскаго витязя, Гюи Варвикскаго. Имена этихъ двухъ героев вошли въ пословицу, часто встрѣчаются въ старыхъ англійскихъ балладахъ и приводятся Ш., какъ образцы необычайной силы (Ср. также въ «Генрихъ VIII» д. 5, сц. 3).

Стр. 11.*чтобъ затрубилъ*

Въ какой нибудь рожокъ передъ стѣной.

Намекъ на рога обманутаго мужа и на конныхъ гонцовъ (post), извѣщавшихъ о своемъ приѣздѣ, трубя въ рогъ.

Стр. 12. *Во мнѣ его и капли крови нѣтъ* — буквальный переводъ былъ бы: «сэръ Робертъ могъ бы съѣсть ту часть плоти, которая у меня отъ него, въ страстную пятницу и этимъ не оскоромился бы».

Стр. 12. *Не плутъ, а рыцарь матушка* — въ оригиналѣ: «Knight, Knight, good mother, - Basilisco-like» (рыцарь матушка, какъ Василискъ). Намекъ на популярную во времена Шекспира драму «Soliman and Perseda», въ которой изображенъ хвастунъ Basilisco; онъ постоянно величаетъ себя рыцаремъ (Knight), а шутъ пьесы дразнитъ его, называя плутомъ (Knave). Филиппъ въ отвѣтъ лэди Ф., называющей его плутомъ (Knave), тоже, говоритъ, что онъ рыцарь (Knight), а не плутъ (Knave).

Стр. 13. *Твой дядя, - Великій Ричардъ*. Въ оригиналѣ: that great forerunner of thy blood, Richard — этотъ великій предокъ твоего рода, Ричардъ. Шекспиръ ошибочно выдаетъ здѣсь Артура за потомка Ричарда по прямой линіи.

Стр. 13. ...къмъ былъ доведенъ

До гибели безвременной.

См. дальше примѣч. къ стр. 26.

Стр. 13.

Боецъ, у льва изъ груди сердце взявшій.

«По преданію, въ темницу короля Ричарда впустили льва, чтобъ онъ пожралъ его. Когда левъ разинулъ пасть, король быстро и смѣло туда всунулъ руку и сдалъ ему глотку такъ сильно, что умертвилъ его и оттого, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ прозванъ Ричардомъ Львиное Сердце».

Стр. 14. *Съ племянницей своей, испанской*

Бланкой. —

556

Въ дѣйствительности Бланка ея внучка, дочь сестры короля Джона Элеоноры и Альфонса VIII, короля Кастильскаго.

Стр. 15. *Слушать крикуна!* (Hear the crier).

Филиппъ издѣвается надъ герцогомъ, обзывая его «общественнымъ крикуномъ» (призывающимъ въ судахъ публику къ тишинѣ) за его выкрикъ: «Молчите» (Peace).

Стр. 15. *Вѣдь ты его на свѣтъ произвела*. Намекъ на невѣрность Элеоноры своему первому мужу, франц. королю Людовику VII.

Стр. 16. *Какъ башмаки Алкида* — Alcides'shooes по изд. Folio. Теобальдъ переправилъ shooes въ shows и текстъ отъ этого болѣе выясняется: *It lies as sightly on the back of him — As great Alcides shows upon an ass* — т. е.: львиная шкура Ричарда Льв. Сердце сидитъ на немъ, какъ львиная шкура Геркулеса на ослѣ. Шекспиръ имѣлъ ввиду басню объ ослѣ въ львиной шкурѣ.

Стр. 16. *Еще къ твоей я кожу подберусь. —*

Филиппъ говоритъ о львиной шкурѣ, которую эрцгерцогъ носить, въ знакъ побѣды надъ Ричардомъ Львиное Сердце, у котораго онъ ее отнялъ.

Стр. 16. Ты заяцъ тотъ, что въ храбрости
своей

Убитыхъ львовъ привыкъ щипать за гриву.

Это слегка измѣненная латинская пословица: *mortuo leoni et lepores insultant*. Она есть въ сборникъ Эразма, который былъ извѣстенъ Шекспиру.

Стр. 16. И на него обрушился законъ... Книга Бытія, XX, 5.

Стр. 18. и съ тѣхъ поръ
Гарцующій передъ дверьми трактировъ.

Во времена Шекспира въ Англіи часто попадались трактирные вывѣски съ изображеніемъ св. Георгія, одолевшаго дракона, сидя на конѣ.

Стр. 18. руки омочивъ
*Въ крови враговъ, погибшихъ въ стѣти
лютой.*

Въ оригиналѣ: *all with purpled hand*

Dyed in the dying slaughter of their foes.

Игра словъ между *die* - умирать и *dye* - окрашивать. Указаніе на охотничьи нравы временъ Шекспира: убивши звѣря, ловцы омывали руки въ его крови.

Стр. 19. — какъ тѣ бунтовщики, что въ Иерусалимѣ примирились — намекъ на Іоанна изъ Гискалы и Симона баръ Гіораса, вожакъ двухъ еврейскихъ партій, примирившихся для противодѣйствія римлянамъ. Шекспиръ вѣроятно почерпнулъ это свѣдѣніе изъ сдѣланнаго Петеромъ Морвингомъ 1558) перевода псевдо-Іосифа (*Ioseppon*); подлинная исторія Іосифа переведена была на англійскій яз. въ 1602 г.

Стр. 22. — Когда червонцевъ мнѣ предложатъ.

Въ оригиналѣ: «*When his fair angels would salute my palm*» (когда его свѣтлые ангелы прикоснутся къ моей ладони) — часто встрѣчающаяся у Шекспира игра словъ: *angel* — ангель и *angel* — золотая монета съ изображеніемъ ангела.

Стр. 24. Что сдѣлалъ онъ,
*Чтобъ вписывать его въ мѣсяцесловъ
На ликованье буквой золотою?*

Въ старинныхъ календаряхъ обозначались не только дни, о которыхъ предполагали, что они оказываютъ вліяніе на погоду, но и тѣ, которые почитались счастливыми или несчастливыми для всякихъ начинаній. (Дружининъ).

Стр. 26.

Стыдись, австріецъ, за свою добычу:

Въ крови добыча та, лиможскій графъ!

Леопольдъ австрійскій и Видомаръ, графъ лиможскій суть два лица, соединенныя Шекспиромъ въ одно, подъ именемъ эрцгерцога. Первый изъ нихъ — Леопольдъ, эрцгерцогъ австрійскій, заключилъ Ричарда Львиное Сердце въ темницу въ 1193 году, а второй — Видомаръ, графъ лиможскій, былъ владѣтелемъ замка Шалюсъ-Шеврель, подъ стѣнами котораго Ричардъ былъ

смертельно раненъ въ 1199 году однимъ стрѣлкомъ, по имени Бертранъ де-Гурдонъ. (Дружининъ).

Стр. 26. *и поскорѣй на плечи*

Себѣ телячью кожу навяжи.

Телячью кожу носили домашніе шуты.

Стр. 28. *и въ жилахъ воспаленныхъ*

Огонь смягчаетъ пламенный недугъ.

Во времена Шекспира лѣчили раны отъ обжоговъ прижиганіями.

Стр. 30. *Какой нибудь воздушный бѣсъ (airy devil).*

Въ современныхъ Шекспиру книгахъ по демонологіи дьяволы различались по стихіямъ, въ которыхъ они обитаютъ. Злые духи, пребывающіе въ воздухѣ, низвергаютъ съ высотъ зло, свершающееся въ сраженіяхъ.

Стр. 30. *Голову австрійца*

Положимъ здѣсь, покуда живъ Филиппъ.

По исторіи, не эрцгерцога австрійскій, а графъ лиможскій былъ убитъ Филиппомъ Незаконнорожденнымъ. Вотъ что говорится объ этомъ въ «Хроникѣ» Голиншеда: «Въ томъ же 1199 г. Филиппъ, побочный сынъ короля Ричарда, которому отецъ далъ замокъ и титулъ Коинака (Coinacke), убилъ графа лиможскаго, чтобы отомстить за смерть отца своего, убитаго при осадѣ замка Шалюсъ-Шеврель».

Стр. 31. *— на волю выпустя червонцы.*

Въ оригиналѣ игра словъ между *angel* — ангель и *angel* — золотая монета въ 10 шиллинговъ.

Стр. 31.

Ни книгами, ни звономъ, ни свѣчами...

Намекъ на католическое отлученіе отъ церкви, при объявленіи котораго звонятъ въ колокола, держатъ Библію въ поднятыхъ рукахъ и тушатъ три свѣчи.

Стр. 32. *Иль нашъ Анжеръ?* — Артуръ былъ взятъ въ плѣнъ при захватѣ Мирбо въ 1202 г. Анжеръ взятъ былъ королемъ Джономъ четыре года спустя.

Стр. 32.

Раскиданъ... флотъ спопутныхъ кораблей.

Намекъ на гибель знаменитой испанской «непобѣдимой армады», посланной противъ Англіи, въ 1588 г., около 7 лѣтъ до того, какъ написанъ былъ «Король Джонъ» Шекспира.

Стр. 36. *Здѣсь за ковромъ* (Within the arras. — Arras - коверъ повѣшенный на стѣну такъ, что между стѣною и ковромъ остается пространство, которое въ драмахъ Шекспира часто служитъ мѣстомъ, гдѣ прячутся для подслушиванія (напр. въ «Гамлетѣ», д. 3, сц. 3).

Стр. 43. *На первое апрѣля умерла* — по историческимъ даннымъ Элеонора умерла въ іюль 1204 г.

Стр. 43. *А за три дня, лишенная разсудка,*

Констанція скончалась.

Въ дѣйствительности, Констанція умерла за три года, а не за три дня до того, въ августъ 1201 г.

Стр. 43. *вотъ пророкъ, котораго схватилъ
Я въ Помфретъ, на улицъ, гдѣ онъ
Толпѣ за нимъ бѣжавшихъ ротозѣевъ
Разсказывалъ въ уродливыхъ стихахъ,
Что царственнаго ты вѣнца лишишься
Въ день Вознесенья и въ полдневный часъ.*

«Въ это время въ окрестностяхъ Йорка жилъ отшельникъ, по имени Петръ, пользовавшійся большою извѣстностью въ простонародьи, оттого-ли, что предсказывалъ будущее, или потому что, по мнѣнію народа, имѣлъ даръ пророчества, или въ самомъ дѣлѣ былъ посвященъ въ тайны волхвованія... Такъ какъ его предсказанія весьма часто оправдывались, то его считали за настоящаго пророка. Этотъ Петръ, около 1-го января 1213 года, объявилъ королю, что въ будущій праздникъ Вознесенья онъ будетъ изгнанъ изъ своего государства, и - для того ли, чтобы еще болѣе увѣровали въ его слова, или надѣясь на собственную проницательность — предложилъ претерпѣть смерть, если не сбудется его пророчество. Петра посадили въ темницу замка Корфъ, и когда назначенный имъ день прошелъ и ничего дурного не случилось съ королемъ Джономъ, его привязали къ хвосту лошади и такъ проволочили отъ замка до города Вергэма, гдѣ онъ и былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Народъ вознегодовалъ на короля за эту жестокость, такъ какъ отшельникъ слылъ за человѣка добродѣтельнаго, а сынъ его нисколько не былъ виновенъ въ преступленіи своего отца, если только тутъ было преступленіе противъ особы короля. Притомъ, многіе думали, что онъ пострадалъ безвинно, потому что дѣло совершилось такъ, какъ онъ предсказывалъ: наканунѣ Вознесенія король Джонъ предоставилъ верховную власть въ своемъ королевствѣ папѣ». («Хроника» Голиншеда, подъ 1213 годомъ).

Стр. 44. *....пять мѣсяцевъ на небѣ;
Изъ нихъ четыре неподвижны были,
А пятый обходилъ ихъ и чудесно
Бродилъ кругомъ.*

«Видѣли пять лунъ: первую на западѣ, вторую на востокѣ, третью на сѣверѣ, четвертую на югѣ, а пятую, окруженную множествомъ звѣздъ, посреди ихъ. Эти луны обращались одна вокругъ другой (пять или шесть разъ) почти въ продолженіе часа времени и потомъ исчезли». (Голиншедъ).

Стр. 44.

*На грѣхъ и зло толнятся при царяхъ
Рабы, которымъ высшей власти прихоть
Есть поводъ на кровавыя дѣла:
Рабы, законъ толкующіе смѣло,
По мановенью царственной руки
Готовые всегда дать ходъ опасный
Тому, что прихоть царская велѣла.*

Въ этихъ словахъ усматриваютъ намекъ на ту поспѣшность, которую приближенные королевы Елизаветы проявили въ роковомъ исходѣ процесса Маріи Стюартъ.

Стр. 45.

Прими мой духъ, Господь! — и кости эти

Пускай въ землю улягутся британской.

(Умираетъ).

Какъ погибъ Артуръ — положительно неизвѣстно. Одни говорятъ, что, покушаясь убѣжать изъ тюрьмы, онъ перепрыгнулъ черезъ стѣну замка, упалъ въ Сену и утонулъ; другіе утверждаютъ, что онъ зачахъ отъ горя и скуки, и умеръ отъ болѣзни естественною смертію; наконецъ, третьи думаютъ, что король Джонъ велѣлъ убить его и похоронить тайно. Французскіе хронисты придерживаются послѣдняго мнѣнія. По ихъ словамъ, король Джонъ подѣхалъ ночью на лодкѣ къ Руанскому замку, гдѣ послѣднее время содержался несчастный Артуръ, велѣлъ вывести его къ себѣ и закололъ въ то самое время, когда тотъ молилъ о пощадѣ. «Итакъ», говоритъ Голиншедъ: «навѣрно неизвѣстно, какимъ образомъ погибъ Артуръ; но тѣмъ не менѣе король Джонъ, по отношенію къ его смерти, остался въ большомъ подозрѣніи, справедливо, или нѣтъ - то Богу одному извѣстно».

Стр. 50. *Милордъ Меленъ, вели списать бумагу.* — Людовикъ требуетъ для себя копію съ договора, заключеннаго имъ съ англійскими лордами и подтвержденнаго ими присягой.

Стр. 52. *Я, въ силу правъ супружескаго ложа* — какъ мужъ Бланки Кастильской, мать которой была сестрой короля Джона.

Стр. 52. *Заслыша крикъ роднаго пѣтуха* —

Even at the crying of your nation's crow.

Игра словъ: crow — означаетъ ворону и крикъ пѣтуха. Фил., говоря съ насмѣшкой о «гальскомъ пѣтухѣ», намѣренно смѣшиваетъ его съ вороной.

Стр. 53. *На гудвинскихъ пескахъ* - опасная мель на южномъ берегу Англіи (о ней говорится въ «Венеціанскомъ Купцѣ», д. 3, сц. 1).
